

имъ на что-нибудь пригодится; что прикажутъ, все сдѣлаю, а ты, красавица моя, молчи!

Дива подошла къ отцу и поцѣловала его въ руку.

— Коляда не оставитъ тебя,—сказала она.

V.

Немного времени спустя Вишъ вышелъ изъ своей избы, но онъ до того измѣнился, что трудно было узнать въ немъ того-же прибитаго горемъ старца, который часъ тому назадъ съ опущенною внизъ головою слушалъ рассказъ Дивы. Дома онъ обыкновенно носилъ полотняную одежду и ходилъ безъ сапогъ; теперь-же старикъ одѣтъ былъ въ дорожное платье— новую коричневаго цвѣта сермягу, обшитую синими лентами; на ногахъ у него были одѣты кожаные сапоги, перевязанные красными шнурами, на головѣ мѣховая шапка съ бѣлымъ перомъ. У кушака висѣли блестявшій отъ солнца мечъ и праща, а черезъ плечо Вишъ забросилъ лукъ и пучокъ стрѣлъ. Онъ выглядѣлъ теперь истымъ воиномъ; поступь твердая, гордо подымающаяся голова и повелительный, звучный голосъ — все это придавало старику воинственный видъ. Онъ на двадцать лѣтъ казался теперь моложе.

У воротъ два парня держали трехъ осѣдланныхъ скакуновъ, покрытыхъ попонами; парни были вооружены и чисто одѣты. Они дожидали здѣсь своего хозяина, готовые отправиться въ путь по его приказанію. Всѣ—родня и слуги—проводжали Виша и цѣловали его руки. Старуха Яга, отирая слезы фартукомъ, шла за мужемъ; она предугадывала, бѣдняга, что быть горю непременно. Старый Вишъ, который столько лѣтъ никуда не ѣздилъ со двора, развѣ въ лѣсъ или на пчельникъ—вдругъ, никому не говоря ни слова куда и зачѣмъ, въ путь собрался, одѣлся, приказалъ приготовить лошадей и вотъ прощается со всѣми.

Старуха и Дива слѣдовали за Вишемъ до самыхъ лошадей. Пѣгій конь стараго воина нетерпѣливо билъ копытомъ объ землю, ожидая своего господина. Умное животное, увидѣвъ Виша, обратило свою голову въ его сторону и весело заржало. Одинъ изъ парней подскочилъ къ Вишу, желая помочь ему сѣсть на лошадь,

но старикъ, какъ будто-бы къ нему вернулась сила давно минувшей молодости, вскочилъ безъ всякой помощи на своего коня, поклонился своимъ, рукою указалъ по направленію къ лѣсу,—и трое всадниковъ молча тронулись въ путь. Долго они ѣхали вдоль рѣки по ея берегу. Въ одномъ мѣстѣ стояло нѣсколько жалкихъ хижинъ у самой воды, передъ ними висѣли сѣти на высокихъ жердяхъ, нѣсколько лодокъ отдыхало на пескѣ. Хижины выглядѣли убого; до половины зарытыя въ землѣ жилища эти всетаки имѣли болѣе бодрый видъ, чѣмъ ихъ обитатели. Вишъ громко крикнулъ, желая вызвать кого-нибудь изъ жителей этой бѣдной, заброшенной деревушки. Двое полунагихъ мужчинъ выбѣжало на этотъ зовъ. Вся эта деревня выросла очень недавно на земляхъ старика: основало ее здѣсь нѣсколько никому неизвѣстныхъ бѣдныхъ скитальцевъ. Деревня носила названіе Рыбаковъ. Нѣсколько дѣтей и почернѣвшая отъ дыма старуха, заслышавъ голосъ хозяина, убѣжали отъ него, остались только мужчины. Они бросали косые, боязливые взгляды на старика, едва отвѣчая на его вопросы.

Нѣсколько дальше въ лѣсу Вишу и его спутникамъ попалась на пути такая-же почти деревушка, Бондари. Нѣсколько жалкихъ хатъ тѣснились одна около другой. У дверей каждой изъ нихъ лежали кучи стружекъ и разбросанныя въ беспорядкѣ деревянные издѣлія. Въ эту минуту ни въ одной хижинѣ не было живого человѣка: женщины и дѣти ушли въ лѣсъ за грибами, мужчины искали дровъ для клепокъ. Двери во всѣхъ хатахъ были настежъ открыты, по туземному обычаю, и ни одинъ прохожій никогда не полакомился чужимъ добромъ. Въ каждой избѣ на столѣ лежалъ ножъ, хлѣбъ, а въ кувшинѣ стояла вода. Все было открыто: сарай, амбарчики и погреба.

Одинъ изъ парней вошелъ въ первую избу, напился воды и сейчасъ-же вернулся. Отсюда наши путешественники повернули влѣво и лѣсомъ подвигались дальше; тропинки, не только-что дороги, не было здѣсь и слѣда, а старый Вишъ и его спутники ни разу не сбились съ дороги, которая скорѣе всѣхъ вела къ желанной цѣли. Охотнику извѣстны всѣ урочища, каждое опрокинутое вѣтромъ дерево, долина въ лѣсу или ручей.

До самой ночи Вишъ и его слуги все подвигались впередъ.

Звѣзды давно ужъ блестѣли на небѣ, когда они остановились, чтобъ выбрать мѣсто поудобнѣе для ночлега. Парни въ одну секунду построили шалашъ для старика; одинъ остался сторожить лошадей, другой легъ у входа въ шалашъ.

Ночь прошла спокойно. Старикъ проснулся раньше всѣхъ и чуть свѣтъ они уже отправились въ путь. Вишъ указывалъ, по какому направленію слѣдуетъ ѣхать: онъ зналъ каждое дерево своихъ и сосѣднихъ съ нимъ лѣсовъ. Задумываться о выборѣ пути старикъ не имѣлъ обыкновенія, въ немъ еще не исчезъ инстинктъ охотничьихъ племенъ; Вишъ даже въ чужомъ лѣсу съумѣлъ-бы найти дорогу, онъ жилъ съ нимъ въ тѣсной дружбѣ.

По-временамъ старикъ полною грудью вдыхалъ воздухъ, опредѣляя по немъ близость дубравы, луга или полей. Тотъ или другой видъ травы, такъ или иначе наклоняющіяся вѣтви, мохъ, покрывающій стволы деревьевъ, наконецъ кусты и лужайки служили ему примѣтой. Полетъ птицъ, направленіе, по которому бѣжалъ испуганный звѣрь — и это принималось во вниманіе старикомъ, который по этимъ даннымъ всегда удачно опредѣлялъ направленіе, котораго надлежало держаться.

Около полудня всадники выѣхали изъ лѣсу и очутились на широкомъ лугу, по самой срединѣ котораго журчащій ручей прокладывалъ себѣ узорчатую дорогу. Вдали, на возвышенномъ берегу этого ручья, виднѣлся домъ, окруженный заборами, а надъ нимъ высоко подымался столбъ дыма.

Вишъ, увидя жилище, вынулъ рогъ и три раза протрубилъ въ него. Между тѣмъ, всадники все приближались къ селу, около котораго на поляхъ работали мужчины и женщины. Одинъ парень подбѣжалъ къ лошади, стоявшей на лугу, вскочилъ на нее и, погоняя ее руками, поскакалъ по направленію къ старику и его слугамъ; но увидя, что въ гости къ нимъ ѣдетъ Вишъ, повернулъ назадъ и поскакалъ къ своимъ.

Видно, сюда рѣдко заѣзжали гости, потому-что работники съ любопытствомъ тѣснились у воротъ, а изъ-за забора виднѣлись бѣлые платки женщинъ. Вишъ еще не доѣхалъ до воротъ, когда въ нихъ показался мужчина высокаго роста въ бѣлой домашней одеждѣ, съ накинутою на плечи сермягою. Густые бѣлокурые волосы длинными прядями епускались ему на плечи, борода едва

начинала покрываться рѣдкими волосами, а румяное лицо его осынилось привѣтливою, веселою улыбкою. Издали увидѣвъ Виша, молодой мужчина, желая выказать радость рѣдкому и уважаемому гостю, рукою посылалъ ему привѣтствія. Старикъ тѣмъ-же отвѣтилъ хозяину. Не доѣзжая до воротъ, Вишъ остановилъ лошадь и соскочилъ на землю.

— Въ добрый часъ, господинъ мой милый!—воскликнулъ молодой хозяинъ.—Такого гостя, какъ старый Вишъ, моя убогая хижина никогда не надѣялась видѣть.

Говоря это, онъ съ почтеніемъ приблизился къ Вишу, точно къ родному отцу, взялъ его за руку и поднесъ ее къ губамъ.

— Я радъ тебѣ, какъ солнцу!—говорилъ онъ весело,—но мнѣ и досадно: чѣмъ трясти старыя кости, отецъ мой, приказалъ-бы ты молодому Доману явиться къ тебѣ и онъ тотчасъ-же исполнилъ-бы твое приказаніе.

— И у старика является желаніе погулять по бѣлу свѣту, да посмотрѣть, все-ли на немъ въ порядкѣ, не измѣнилось-ли что-нибудь,—отвѣчалъ старикъ.

Они обнялись, и Доманъ повелъ Виша въ свѣтлицу. Жилъ Домана тоже стояло по срединѣ большого двора, со всѣхъ сторонъ окруженнаго сараями и избами. Видно было, что молодой человѣкъ хорошій хозяинъ: все было выбѣлено, выкрашено, а на крыльцѣ — деревянные украшенія, о которыхъ старикъ Вишъ и не подумалъ-бы. Надъ окошками и на крыльцѣ во многихъ мѣстахъ висѣли пучки душистыхъ травъ. Женщинъ совсѣмъ не было видно, онѣ всѣ разбѣжались по избамъ, когда увидѣли чужого. Свѣтлица, въ которую вошелъ Вишъ въ сопровожденіи хозяина, была чисто выметена, но въ ней замѣчалось отсутствіе женщины, потому-что въ очагъ огня не было... Въ углу стояло покрытое кожею деревянное ложе, по стѣнамъ красовались луки, стрѣлы, мечи, пращи, рога звѣрей и недавно снятыя съ нихъ кожи. На столѣ лежалъ бѣлый хлѣбъ, которымъ хозяинъ угостилъ Виша, а затѣмъ предложилъ ему сѣсть на скамью; самъ-же продолжалъ стоять передъ старикомъ. Вишъ долго уговаривалъ Домана сѣсть возлѣ него и почти насильно заставилъ его занять мѣсто на скамьѣ рядомъ съ собою. По глазамъ Домана было замѣтно, что онъ съ нетерпѣніемъ желаетъ

узнать причину посѣщенія старика, но не рѣшается разспрашивать его. Вишъ тоже не торопился съ объясненіями; онъ началъ говорить о хозяйствѣ, объ охотѣ. Наконецъ, принесли медъ, хозяинъ предложилъ гостю чарку.

Они одни остались въ избѣ.

— Ты угадалъ,—началъ старикъ,—что я не безъ цѣли пріѣхалъ къ тебѣ; прямо скажу, недобрую вѣсть я привезъ. Теперь намъ скверно живется, но еще худшая жизнь ждетъ насъ въ будущемъ, и въ самомъ недалекомъ будущемъ.

— Будемъ-же такъ дѣлать, чтобы стало лучше,—отвѣчалъ Доманъ.

— Недолго ждать придется, какъ и міръ, и вѣче, и мы, кметы, исчезнемъ съ лица земли,—сказалъ Вишъ:—всѣхъ насъ спутаютъ по рукамъ и по ногамъ. Люди обыкновенно говорятъ, что въ старыхъ головахъ ни съ того ни съ сего зарождается недовѣріе, какъ въ старой бочкѣ плѣсень; но суди самъ, имѣетъ-ли основаніе мое горе или нѣтъ. Князь и всѣ Лешки болѣе не считаютъ насъ свободными людьми. Кметовъ и жупановъ, родившихся свободными на нашей землѣ, хотятъ подвергнуть тяжелой неволѣ. Они хотятъ всѣхъ насъ сдѣлать своими рабами. Они угрожаютъ намъ, прижимаютъ насъ все болѣе и болѣе; насъ хотятъ выжить точно пчелъ, отъ которыхъ избавляются, когда хотятъ очистить улей. Хвостекъ на озерѣ, на Гоплѣ, черезчуръ уже проказничаетъ. Вотъ третьяго дня онъ позвалъ кметовъ къ себѣ въ гости. Дали имъ какой-то отравы въ напитокѣ... Нѣмка готовитъ его на нашу погибель. Среди пира начали они ругать, бить да грызть другъ друга; кончилось тѣмъ, что они перебили одинъ другого. Тѣла ихъ Хвостекъ велѣлъ бросить въ озеро, точно падаль. У Самона дѣвку-красавицу взяли силою, а княгиня назначила ее князю въ наложницы. По нашимъ селамъ разѣзжаютъ Смерда и слуги князя, берутъ у насъ людей, женщинамъ отъ нихъ покоя нѣтъ. Никто не знаетъ, господинъ-ли онъ у себя или нѣтъ, не сегодня-завтра могутъ отнять и хату, и землю, и дѣтей... Да. Что-же, должны мы все это переносить, молчать и по бабѣму только руки ломать, да слезы проливать? Говори, Доманъ!

Лицо Домано горѣло гнѣвомъ, щеки его пылали, губы тряслись

какъ въ лихорадкѣ; онъ старался сдерживать свой гнѣвъ; но когда Вишъ кончилъ, Доманъ не вытерпѣлъ и крикнулъ:

— Эй! Эй! Давно ужъ слѣдовало намъ уничтожить это гнѣздо ось и сравнять его съ землею.

— Слово сказать легко, Доманъ,—замѣтилъ старикъ,—но отъ слова до дѣла еще далеко. Крѣпко держитея проклятое гнѣздо, крѣпко прилипло оно къ Столбу.

— А Столбъ не духи строили, но люди, человѣческія руки могутъ его также и уничтожить,—сказалъ Доманъ.

— Такъ нельзя разсуждать,—проговорилъ Вишъ послѣ нѣкотораго молчанія, — откуда Столбъ взялся, объ этомъ никто не знаетъ. Онъ стоялъ уже на мѣстѣ, когда жили наши праотцы. Одно вѣрно: тѣ, кто его строилъ, были не наши; тотъ народъ исчезъ съ лица земли.

Доманъ, не находя отвѣта на это замѣчаніе, промолчалъ.

— Да, впрочемъ,—продолжалъ Вишъ,—намъ разсуждать объ этомъ нечего; это—дѣло міра, онъ найдетъ средство спасти своихъ дѣтей.

Старикъ многозначительно посмотрѣлъ въ глаза молодому человѣку. Доманъ только и ждалъ этого нѣмого предложенія.

— Нужно разослать приглашеніе всѣмъ кметамъ и жупанамъ и созвать общее вѣче старшинъ. Пусть соберутся всѣ наши селяне и поляне; мы начнемъ, а за нами и другіе...

— Твое слово лучше приказанія,—отвѣчалъ Доманъ,—хорошо созвать вѣче; но позволь прежде и мнѣ сказать свое слово. Кого звать и куда? Тебѣ хорошо извѣстно, что у Хвостка есть свои и среди нашихъ кметовъ; Лешки размножились; ихъ много, очень много; нужно, значить, сперва осторожно разузнать кое о чемъ, да прислушаться ко всему хорошенько и разсчитать свои силы раньше, чѣмъ начнемъ дѣло, а то могутъ насъ задавить. Пока насъ горсть, не больше.

— Я также думаю, согласился Вишъ.—Знаю я хорошо, что у Хвостка нѣтъ недостатка въ друзьяхъ и что многіе изъ нашихъ считаются въ числѣ его пріятелей, но я тоже и то знаю, Доманъ, что не весь Лешій родъ будетъ стоять за него. Родныхъ своихъ дядей князь притѣсняетъ, обратилъ ихъ въ кметовъ; племянникамъ своимъ — однимъ выкололъ глаза, а другіе изъ боязни не

оставляютъ своего городища ни на минуту. Они стануть на нашу сторону.

— На вѣчь все это объяснится, увидимъ, что и какъ дѣлать,—отвѣчалъ Доманъ,—не теряя времени, нужно созвать вѣче.

— Сперва слѣдовало-бы побывать у того и другого, чтобы разузнать хорошенько, какъ наши кметы смотрятъ на это дѣло,—прервалъ старикъ,—поѣдемъ вдвоемъ, Доманъ, посмотримъ, поговоримъ и съ кметами, и съ Лешками.

— Поѣдемъ,—согласился Доманъ.—Я готовъ ѣхать съ тобою, отецъ Вишъ. Отдохни у меня, а потомъ отправимся вмѣстѣ въ путь.

— А какъ думаешь? Къ кому ѣхать?—спросилъ Вишъ.

— Сперва къ мудрому Пясту; онъ можетъ дать хорошій совѣтъ,—подумавъ немного, отвѣтилъ Доманъ;—онъ бѣдный кметъ, но умный... молчитъ, но больше знаетъ, чѣмъ тѣ, которые много болтаютъ.

Вишъ согласился на это предложеніе.

— А потомъ?—спросилъ онъ.

— А изъ Лешковъ... развѣ къ Милошу,—отвѣчалъ Доманъ.

— Его сыну князь выкололъ глаза,—замѣтилъ Вишъ.

Вишъ и Доманъ долго еще совѣтовались, къ кому заѣзжать, кто достоинъ того, чтобы его посвятить въ тайну.

— Кромѣ насъ двоихъ никто объ этомъ знать не долженъ,—сказалъ Вишъ.—Пусть думаютъ, что мы ѣдемъ охотиться.

— Да, поѣдемъ на охоту,—повторилъ Доманъ.—Твои парни останутся у меня, а мы поѣдемъ только вдвоемъ. Это будетъ лучше.

— Да, такъ будетъ лучше,—согласился Вишъ.

— А гдѣ-же вѣче созвать? Давно ужъ не слыхали мы объ немъ,—сказалъ Доманъ.

— Гдѣ-же, если не тамъ, гдѣ оно собиралось съ незапамятныхъ временъ; новаго мѣста незачѣмъ искать, да и не найти. Змѣиное урочище, гдѣ священный дубъ и источникъ на старомъ городищѣ, гдѣ вѣчевали наши дѣды и прадѣды. Тамъ и мы должны собраться, тамъ только держать совѣтъ.

Старикъ посмотрѣлъ въ глаза Доману.

— Урочище лежитъ въ глубинѣ лѣса,—продолжалъ Вишъ,—

оно безопасно: со всѣхъ сторонъ окружено болотами. Тамъ лучше, чѣмъ гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ. Если-бы старшины собрались у твоего или моего дома, князь сталъ-бы мстить намъ и поджегъ-бы наши дома, а тамъ—кто знаетъ, чья была затѣя о вѣчѣ.

— Знать не будетъ?!—повторилъ Доманъ съ горечью,—у него вездѣ свои: скажутъ ему, едва успѣемъ начать дѣло; но не слѣдуетъ его бояться и сидѣть, сложа руки, въ избахъ. Не первый разъ съѣдутся кметы на вѣче, отчего-же намъ теперь, какъ и въ старину, не держать общій совѣтъ? Скорѣе приниматься за дѣло; нужно разослать гонцовъ.

— Да,—сказалъ Вишъ,—пошлемъ по два человѣка къ каждому старшинѣ, пригласить его пріѣхать на съѣздъ. Но надо заранее рѣшить, кого звать и кто будетъ съ нами. Слѣдовало-бы съ каждого взять клятву на огонь и воду.

Вишъ и Доманъ долго еще совѣщались, какъ быть и что дѣлать? Наконецъ они рѣшили, что вѣче должно состояться и что наврядъ-ли среди кметовъ и жупановъ найдется хотя одинъ, который не раздѣлялъ-бы ихъ мнѣнія. Они задумались только надъ способомъ, какъ-бы потише созвать всѣхъ. На Купалу обыкновенно собирались люди около урочищъ, они и рѣшили назначить вѣче за день передъ этимъ праздникомъ. Времени оставалось довольно, чтобы созвать всѣхъ; но и не такъ было его много, чтобы возможно было откладывать.

Долго еще разговаривали друзья кметы; уже день приходилъ къ концу, а они все еще вполголоса совѣщались о предстоящемъ вѣчевомъ собраніи. Медъ стоялъ въ чаркахъ на столѣ передъ ними, а они еще не дотронулись даже до него. На лицахъ ихъ было грустное выраженіе, даже веселый Доманъ имѣлъ унылый видъ. Не стало у нихъ подъ конецъ ни совѣта, ни словъ, они подали руки другъ другу и хозяинъ пригласилъ старика подъ липу, которая росла на пригоркѣ за селомъ. Едва успѣли они на скамьѣ подъ липою, какъ цѣлая свора собакъ побѣжала за своимъ господиномъ; у Домана было десятка два собакъ, такъ-какъ онъ былъ завзятый охотникъ. Молодые парни собрались на дворѣ; казалось, они чего-то ожидали, какъ будто приказанія своего господина. Доманъ бросилъ взглядъ въ сторону своего дома и сказалъ Вишу.

— Хотѣлось-бы мнѣ угостить тебя какъ слѣдуетъ, да чѣмъ нибудь развеселить. Я знаю, что старику не нравятся молодые пѣсни, но все-таки мнѣ хочется показать тебѣ, что мы здѣсь не ходимъ заспанными и не грѣмся вѣчно у очага. Эй! Сциборъ,—крикнулъ онъ громко,—пойди сюда!

Красивый парень, глаза котораго блестяли отъ избытка жизни, прибѣжалъ къ Доману.

— Удобнѣе времени для травли нашего волка не найти,—сказалъ Доманъ. — А передъ кѣмъ-же похвастаться, если не передъ старикомъ Вишемъ? Выпусти-ка его наволю,—говорилъ онъ слугѣ,—покажемъ, что дикій звѣрь намъ не страшенъ.

Сциборъ побѣжалъ къ воротамъ, и тотчасъ-же за заборомъ раздались веселые крики. Собакъ, кромѣ избранныхъ, загнали въ сарай и заперли. Вишъ и Доманъ встали со скамьи и подошли къ воротамъ, у которыхъ толпилась челядь въ ожиданіи любопытнаго зрѣлища. Хозяинъ велѣлъ каждому изъ нихъ взять мечъ и разставилъ ихъ вокругъ большой поляны, а самъ взялъ въ руки длинное копьё съ желѣзнымъ остриемъ и занялъ мѣсто нѣсколько дальше всѣхъ. Собаки нетерпѣливо рвались впередъ, предчувствуя, что не даромъ держать ихъ на привязи.

Доманъ далъ знакъ рукою, и ворота отворили настежь. Волкъ, просидѣвшій нѣсколько дней въ заперти, испуганный и ослѣпленный дневнымъ свѣтомъ, не сумѣлъ воспользоваться дарованною ему свободою... Парни подняли крикъ, начали бить палками въ стѣны сарая, а волкъ не трогался съ мѣста, ежился и щелкалъ зубами. Почти насильно помощью палокъ удалось имъ выгнать его за ворота... Здѣсь онъ внимательно осмотрѣлъ мѣстность, бросился бѣжать, но сейчасъ-же остановился. Охотники держали оружіе на-готовѣ, собаки подняли ужасный вой, волкъ тронулся съ мѣста, сперва онъ шелъ тихо, подкрадываясь, затѣмъ началъ бѣжать все скорѣе и все отыскивалъ дорогу, по которой было-бы удобнѣе улизнуть въ лѣсъ. Но не легко ему было уйти: со всѣхъ сторонъ забѣгали ему дорогу вооруженные охотники. Доманъ первый бросился на волка; онъ нарочно стремглавъ кинулся на звѣря, чтобы послѣдній не могъ его обойти. Собаки, пущенныя на волю, бросились на врага. Охота началась.

То одинъ, то другой парень наносили волку удары копьёмъ,

кто-то бросилъ въ него острымъ кускомъ желѣза и ранилъ въ спину окруженнаго собаками звѣря. Собаки удерживали его за ноги, тормозили несчастнаго волка. Пользуясь этимъ, Доманъ съ большою ловкостью вонзилъ волку въ открытую пасть свое копьѣ, нанося ему послѣдній, смертельный ударъ.

Во время этой охоты веселые крики и смѣхъ не умолкали ни на минуту. Женщины сидѣли на заборахъ, дѣти кричали и стучали палками, даже старый Вишъ не разъ хватался за мечъ, не будучи въ состояніи оставаться только зрителемъ забавы, напомнившей старику давно минувшіе молодые годы его жизни. Когда звѣрь, заливаясь кровью, упалъ на землю, и собаки бросились на него со всѣхъ сторонъ, въ воздухѣ раздались громкіе радостные крики. Несчастнаго волка со всѣхъ сторонъ окружили охотники, женщины и дѣти тормозили его, разсматривали и удивлялись ловкости Домана.

Нѣсколько дней тому назадъ волка поймалъ въ лѣсу одинъ изъ работниковъ Домана, оглушивъ сильнымъ ударомъ палки въ голову. Связавъ его, онъ притащилъ звѣря во дворъ. Къ своему несчастію, волкъ выздоровѣлъ, чтобы ради забавы погибнуть отъ руки Домана.

Налюбовавшись волкомъ до сыта, Доманъ велѣлъ убрать его. Затѣмъ, началась стрѣльба изъ луковъ и пращей. Доманъ и здѣсь оказался ловчѣе всѣхъ, хотя и другіе дѣлали все возможное, чтобы не отставать отъ своего хозяина. Старый Вишъ только смотрѣлъ и любовался на молодежь, а старыя его руки дрожали, вспоминая тѣ времена, когда и онъ умѣлъ стрѣлять не хуже Домана. Но то время давно ужъ прошло.

Когда наступилъ вечеръ и въ избахъ зажгли лучины, старикъ и хозяинъ долго еще совѣщались, разговаривая вполголоса о предстоящихъ важныхъ дѣлахъ. Наконецъ, Доманъ уступилъ свое ложе Вишу, а себѣ приказалъ сдѣлать постель въ этой-же комнатѣ и пригласилъ гостя отдохнуть.

На слѣдующій день, чуть-свѣтъ, Вишъ и Доманъ были ужъ на ногахъ. Лошади дожидали ихъ у крыльца. Какъ было рѣшено, Вишъ и Доманъ отправились въ путь, немедленно, одни.

Въ село Лешка Милоша можно было пріѣхать не раньше вечера. У Виша и Домана было достаточно съѣстныхъ запасовъ въ су-

махъ; въ деревянныхъ, облитыхъ смолою, бутылкахъ, привязанныхъ къ кушакамъ, каждый изъ нихъ имѣлъ по двѣ чарки меду; а лошади, привыкшія къ болотамъ и лѣснымъ дорогамъ, не боялись утомительнаго путешествія. Доманъ ѣхалъ впередъ.

Не желая терять времени понапрасну, всадники рѣшили отправиться кратчайшимъ путемъ — черезъ болота и непроходимые лѣса. Не разъ пришлось имъ объѣзжать массы сваленныхъ вѣтромъ въ одну кучу гигантскихъ деревьевъ, не разъ нельзя было пройти чрезъ слишкомъ вязкое, густою травою заросшее болото; все это затрудняло путешественниковъ. Чаща лѣса, наполненная таинственнымъ сумракомъ, едва пропускающимъ нѣсколько лучей солнца, навѣвала невеселыя думы. Вишъ и Доманъ только тогда свободнѣе вздохнули, когда очутились на сухомъ лугу, оставивъ лѣсъ за собою. Здѣсь они остановились: нужно было привести въ порядокъ одежду, облѣпленную листьями, сухими вѣтвями, гусеницами и мохомъ, которыми лѣсная глушь наградила всадниковъ за то, что они посмѣли вторгнуться въ ея нѣдра.

На краю горизонта Вишъ замѣтилъ столбъ дыма; всадники прибавили шагъ; на холмистомъ возвышеніи вдали виднѣлся высокій земляной валъ, покрытый зеленымъ дерномъ, а за нимъ густая роща. Изъ самой середины этой небольшой рощи струился синеватый дымъ, подымаясь длинною лентою къ небесамъ — самый вѣрный знакъ присутствія человѣческаго жилища. Земляной валъ былъ такъ высоко насыпанъ, что изъ-за него не видно было даже крыши хижины.

Когда Вишъ и Доманъ подъѣхали къ этой насыпи, они замѣтили въ ней узенькій проходъ, закрытый высокимъ частоколомъ. Кромѣ столба синеваго дыма нигдѣ не было замѣтно даже малѣйшаго признака жизни. Ворота были заперты. Они подъѣхали къ нимъ, но никто не вышелъ имъ навстрѣчу, хотя на насыпи появилось нѣсколько любопытныхъ головъ. Вишъ затрубилъ.

Они долго еще стояли у воротъ, но никто не являлся. Наконецъ, надъ воротами показалась человѣческая голова, покрытая волчьей шкурою.

Старый Вишъ просилъ впустить ихъ, его и Домана, въ городище, но слуга, показавшій свою голову надъ воротами, отвѣчалъ

угрюмо, что князь Милошъ никого къ себѣ не допускаетъ. Волей-неволей пришлось Вишу спорить, сердиться; нѣсколько разъ шли переговоры съ княземъ, пока наконецъ, Милошъ согласился пустить гостей къ себѣ въ домъ. Отворили ворота; всадники прошли по длинному и темному проходу, вырытому въ насыпи, опоясывающей городище, и вошли во дворъ, заросшій высокими деревьями. Дубы и липы, громадныя стволы и широко разстилающіяся вѣтви которыхъ закрывали почти весь дворъ, образуя надъ нимъ зеленую крышу, были свидѣтельницами не только молодыхъ лѣтъ хозяина, но и его праотцевъ. Въ глубинѣ двора, въ тѣни деревьевъ, стояло небольшое строеніе, окруженное длиннымъ навѣсомъ и покрытое деревянною крышею.

По двору, въ разныхъ направленіяхъ, ходили какіе-то угрюмые, молчаливые люди, съ ногъ до головы покрытые кожей. Большія собаки подошли къ Вишу и Доману, заворчали, обнюхали ихъ и, окруживъ со всѣхъ сторонъ, остановились, готовясь по первому приказанію хозяина броситься на пріѣзжихъ. Много еще прошло времени, пока изъ избы вышелъ сгорбленный, едва передвигающій ноги старикъ, небольшого роста, съ длинною палкою въ рукахъ; голова его была покрыта кожей. Съ нимъ трудно было сговориться: онъ говорилъ едва слышнымъ голосомъ, и, повидимому, не понималъ пріѣзжихъ. Послѣ нѣкотораго колебанія онъ, однакожъ, согласился впустить ихъ въ избу. Вечерній мракъ и тѣнь деревьевъ, листья которыхъ закрывали окна, не позволяли Вишу и Доману разсмотрѣть что-нибудь въ свѣтлицѣ. Они долго стояли, пока глаза ихъ успѣли свыкнуться съ мракомъ. На очагѣ догорали обугленные дрова.

Въ глубинѣ избы лежалъ старикъ высокаго роста, съ длинною бѣлою бородою, волосы которой не вьющіяся, прямые какъ трава, доходили ему до колѣнъ. Лежалъ онъ на постели, покрытой кожей. Густыя, нависшія брови почти совсѣмъ закрывали глаза старика, который подпиралъ свою лысую голову на костлявой рукѣ. Ноги его покоились на чемъ-то черномъ, что едва замѣтно двигалось, какъ-бы изъ лѣности. Вишъ, всматриваясь въ старика и его ложе, увидѣлъ наконецъ, что двигающаяся черная масса — ручной медвѣдь, который лежалъ у ногъ своего господина. Двѣ сороки прохаживались по полу.

Когда прїѣзжіе вошли въ свѣтлицу, князь Милошъ даже не тронулся съ мѣста; онъ только посмотрѣлъ на нихъ и, казалось, ожидалъ съ ихъ стороны перваго слова. Сороки, между тѣмъ, спрятались въ углу, а медвѣдь, зѣвая, посмотрѣлъ на прїѣзжихъ и снова положилъ голову на прежнее мѣсто, болѣе не обращая вниманія на вошедшихъ гостей.

Въ свѣтлицѣ была жара невыносимая, а старый князь дрожалъ какъ въ лихорадкѣ.

— Князь Милошъ,—сказалъ Вишъ, послѣ нѣкотораго молчанія,—да будешь благословенъ ты и твой домъ.

— Кто ты такой?—спросилъ князь грубымъ, охрипшимъ, точно изъ колодца выходящимъ, голосомъ.

— Кметъ Вишъ, а это сосѣдъ мой Доманъ.

Князь долго молчалъ.

— Позволяешь, князь, говорить съ тобой,—началъ снова Вишъ.

— Говорить со мною?—повторилъ тотъ-же грубый голосъ.— У меня съ людьми ничего нѣтъ общаго: мнѣ до нихъ дѣла нѣтъ, и имъ тоже до меня! Чего-же вы хотите?

— Добраго совѣта,—отвѣчалъ Вишъ.

— Я для себя не сумѣлъ найти добраго совѣта, для другихъ и подавно не найду. Идите къ кому-нибудь другому за этимъ.

— У насъ и съ нами творятся нехорошія дѣла, — говорилъ Вишъ, не обращая вниманія на отказъ князя Милоша, — вашъ и нашъ общій врагъ мучитъ насъ и угнетаетъ все хуже и хуже.

— Кто?

— Хвостекъ, — отвѣчалъ Вишъ, нарочно употребляя это насмѣшливое имя.

Милошъ захохоталъ дикимъ голосомъ.

— Мнѣ-то онъ ужъ больше ничего дурного не сдѣлаетъ; онъ лишилъ меня дѣтей, а теперь пусть и жизнь мою беретъ, если хочетъ; я не дорожу ею. Идите, куда хотите, за добрымъ совѣтомъ и помощью; у меня ихъ нѣтъ ни для кого.

— И мстить ты не хочешь?—спросилъ Вишъ.—За дѣтей своихъ ты долженъ отомстить ему. Одинъ убить, другому выкололи глаза; не оставилъ онъ тебѣ на старости лѣтъ никакого утѣшенія, и это должно остаться безнаказаннымъ?

Князь долго молчалъ, какъ-бы взвѣсивая слова Виша; вдругъ онъ вскочилъ, пылая гнѣвомъ.

— Вонъ, или я натравлю на васъ Маруху!—вскричалъ онъ.— Хвостъ подослалъ васъ ко мнѣ, чтобы тянуть меня за языкъ, собачьи сыны... Вонъ!..

— Князь Милошъ,—твердымъ голосомъ сказалъ Доманъ,—я сынъ того, который спасъ твою жизнь; а Вишъ никогда никого не обманулъ. Мы свободные кметы, князь, но не рабы Хвостка.

На постели Милоша что-то такъ странно заворчало, что трудно было сказать—медвѣдь-ли это, или его господинъ отозвался; затѣмъ раздалось громкое сопѣніе и стоны.

— Идите за совѣтомъ къ тѣмъ, у кого есть еще умъ. У меня его теперь нѣтъ. Во мнѣ все высохло отъ боли, я потерялъ силы безвозвратно; память куда-то ушла отъ меня, даже и отомстить за все это нѣтъ никакой охоты. Идите, отомстите и за меня, а когда вырвете у него сердце, принесите мнѣ этотъ безжалостный кусокъ мяса, я его съѣмъ и умру... Мнѣ ужъ давно пора умереть, я призываю смерть, я молюсь о ней. Больше мнѣ ничего не надо!.. Ничего больше... Дѣти мои! Мои цвѣты, сыновья мои! Что я безъ васъ сталъ? На что-же мнѣ жизнь, если васъ нѣтъ около меня?

Старикъ закрылъ лицо руками и умолокъ. Смотря на его мученія, Вишъ страдалъ страданіями несчастнаго старца. Князь стоналъ, не отнимая рукъ отъ лица. Но скоро поднялъ онъ голову и началъ болѣе мягкимъ голосомъ:

— Бѣдные вы люди, но чѣмъ-же я вамъ могу помочь? Чего вы у меня ищете? У меня теперь нѣтъ ничего, ничего! Пусть весь міръ сгоритъ, пусть море его зальетъ, пусть люди на немъ исчезнутъ—мнѣ не будетъ ни лучше, ни хуже. Цвѣты мои, дѣти мои, мои сыны!

И снова страдалецъ опустилъ голову на обѣ руки и залился горькими слезами. Вишъ и Доманъ не знали, что имъ дѣлать, ждать-ли еще или уйти прочь, чтобы напрасно не мучить старика. Между тѣмъ, Милошъ привсталъ немного и сѣлъ на постели; онъ началъ тереть руками лицо и лобъ. Затѣмъ, онъ ударилъ въ ладоши. Изъ боковой избы вошла женщина такого-же высокаго роста, какъ и Милошъ; голова ея такъ была окутана платками, что изъ-за нихъ едва виднѣлось ея пожелтѣвшее и покрытое морщинами лицо.

Сермяга темнаго цвѣта покрывала ея бѣлую женскую одежду. Она остановилась у порога въ нерѣшительности, идти-ли дальше, или вернуться: чужіе пугали старуху. Напившись, онъ далъ знакъ рукою женщиѣ, чтобы она вышла изъ избы, и обратился къ стоявшимъ у входныхъ дверей Вишу и Доману:

— Скажите, что вы намѣрены дѣлать? Соберете кметовъ на вѣче, а потомъ поругаетесь и перессоритесь между собою? Пока вы будете совѣщаться, да развѣзжаты, онъ васъ по-одиночкѣ выудить? Пригласитъ къ себѣ, задастъ вамъ пирь, а потомъ одного на другого натравитъ. А вы-то что-же думаете ему сдѣлать? Онъ вашихъ совѣщаній и вашего вѣча не боится!

Старикъ смѣялся сквозь слезы.

— Половина вашихъ будетъ стоять за него горою; другая половина, можетъ быть, возстанетъ противъ него! Онъ раздаритъ ваши земли тѣмъ, которые будутъ ему помогать васъ душить! Вы ему ничего не сдѣлаете! А если у него не хватитъ людей, придутъ нѣмцы и опустошатъ нашу землю и массу нашихъ захватятъ въ неволю.

Старикъ снова легъ на постели.

— Князь,—проговорилъ Вишъ,—наше дѣло не легкое, это мы знаемъ, но мы должны избавиться отъ Хвоста! Многіе изъ нашихъ погибнуть, многіе намъ измѣнять, но побѣда все-же останется за нами и Хвосту не одобровать. Мы пришли спросить у тебя, князь, дашь-ли ты намъ своихъ людей, если мы рѣшимъ, веѣмъ міромъ, походъ на Хвоста, на его Столбъ? Будешь ты съ нами, или нѣтъ?

Старикъ долго молчалъ, не отвѣчая на предложенный ему вопросъ.

— Нѣтъ, — отвѣчалъ онъ, наконецъ, — я-бы вырвалъ у него сердце, если-бы я это могъ самъ сдѣлать; если вы это сдѣлаете, я буду радоваться, но съ вами не пойду противъ него. Это дѣло кметовъ, а я князь, я Лехъ!.. Не забывайте, что если-бы вы его и побѣдили, у него останутся двое дѣтей, два сына за Лабою. Этимъ ничего не станется, они вернутся съ нѣмцами и отомстятъ вамъ. Напрасны ваши стоны, даромъ пропадутъ ваши заботы! Не онъ, такъ дѣти его поработятъ васъ; не онъ, такъ я-бы научилъ васъ, что такое кметъ, а что князь! Я былъ-бы не лучше его!—ворчалъ старикъ едва внятнымъ голосомъ.

Вишь посмотрѣлъ на Домана.

— Больше намъ не о чемъ говорить съ тобою, — сказалъ Вишь; — но ты завтра-же можешь послать къ Хвосту сказать ему обо всемъ, о чемъ говорили съ тобою сегодня?

Князь улыбнулся, а медвѣдь заворчалъ.

— Между мною и Хвостомъ нѣтъ ни разговора, ни уговора; онъ мой врагъ, а я его врагъ, — сказалъ гордо Милошъ. — Не я, другіе скажутъ ему объ этомъ, онъ васъ всѣхъ повѣситъ на дубахъ! Да пусть васъ вѣшаетъ! Нѣтъ ужъ болѣе у меня дѣтей... нѣтъ моихъ сыновей!.. Цвѣтовъ моихъ не стало!.. Пусть весь міръ пропадаетъ!!

Милошъ застоналъ и легъ ничкомъ, уткнувъ свою голову въ звѣриную шкуру. Вишь, а за нимъ Доманъ вышли изъ свѣтлицы. Въ избѣ раздавались теперь крики двухъ сорокъ, которыя вышли на середину свѣтлицы и затѣяли ссору.

На крыльцѣ гостей поджидалъ сторбленный старикъ, который вмѣстѣ съ ними вышелъ во дворъ подъ старые дубы.

— Вашъ князь всегда такой, какъ теперь? — спросилъ Вишь у старика.

— Всегда, когда увидитъ чужихъ! — шепнулъ старикъ на ухо Вишу; — иногда случается, что духи мучаютъ его по цѣлымъ ночамъ, тогда онъ вскакиваетъ съ постели, кричитъ и плачетъ такъ громко, что всѣ просыпаются отъ его крика. Бѣдный онъ, несчастный человѣкъ!..

Вишь и Доманъ намѣревались, несмотря на поздній часъ, сейчасъ-же оставить печальное городище Милоша, но и здѣсь соблюдался святой обычай гостепріимства. Старикъ пригласилъ гостей въ отдѣльную избу, гдѣ для нихъ былъ приготовленъ ужинъ и постель. Старикъ вошелъ съ ними въ избу, но не было никакой возможности вывѣдать отъ него что-нибудь. Все въ этомъ мрачномъ и полномъ печали городищѣ было молчаливо и безжизненно; казалось, все только и дожидалось смерти и конца.

VIII.

Недалеко отъ озера Гопла, у самой опушки лѣсовъ, стоялъ домъ и село Пястуна, котораго для краткости звали Пястомъ. Къ нему-то стремились старикъ Вишъ и молодой Доманъ, раннимъ утромъ оставивъ городище Милоша. Вишъ второй день къ ряду ѣхалъ верхомъ, но чувствовалъ себя лучше чѣмъ дома, гдѣ у него была только одна работа: смотрѣть за хозяйствомъ, сидя на большомъ камнѣ у рѣки.

Изъ всѣхъ окрестныхъ кметовъ, Пястунъ былъ наименѣе зажиточнымъ хозяиномъ, а между тѣмъ пользовался большимъ уваженіемъ всѣхъ своихъ собратьевъ. Родъ его жилъ на этомъ мѣстѣ уже съ давнихъ поръ, дѣдъ его и прадѣдъ хозяйничали когда-то въ окрестныхъ лѣсахъ, занимаясь главнымъ образомъ пчеловодствомъ и охотою. Полей у нихъ совсѣмъ почти не было; если они и засѣвали хлѣбъ, то развѣ только для того, чтобы имѣть запасъ на случай голода. Они привыкли не обращать вниманія на свои богатства; потому-то, можетъ быть, послѣдніе не умножались въ ихъ рукахъ. Бѣдную, настезъ для всѣхъ всегда открытую хату Пястуна знали всѣ; въ нее заходилъ каждый прохожій, бралъ, что ему нужно было и шелъ дальше.

Хижина гостепріимнаго Пястуна, выстроенная изъ цѣльныхъ срубовъ, даже отчасти покрытыхъ корою, была чрезвычайно старая и низкая. Крыша и стѣны ея были покрыты толстымъ слоемъ сажн, крыльцо узенькое, украшенное простыми столбиками, поддерживающими его небольшую крышу. Пястунъ, его жена Жепица и сынъ ихъ составляли всю семью. Челяди было у нихъ много; но каждый челядинецъ скорѣе казался членомъ семьи Пястуна, чѣмъ слугою, потому-что съ нимъ хозяева обращались какъ съ роднымъ. Новые обычаи, которые понемногу начали проникать къ славянамъ отъ нѣмцевъ, не успѣли еще проникнуть въ хижину Пяста. Можетъ быть, отъ того именно къ Пястуну всегда обращались за совѣтами, что подъ убогой своей кровлею онъ свято хранилъ древнія преданія и обычаи. Гусяры и пѣвцы часто заходили къ нему, а если который-нибудь изъ нихъ приходилъ погостить у своего друга Пястуна, то по вечерамъ долженъ былъ

много пѣть собравшимся вокругъ него слугамъ Пястуна и его семьѣ. Зимой садились у огня въ избѣ, лѣтомъ—на дворѣ подъ старыми липами. Старцы-гуслиеры пѣли, а молодежь изъ этихъ пѣсней узнавала о славномъ прошломъ. На свадьбахъ, на похоронахъ и на всѣхъ собраніяхъ Пястунъ всегда занималъ первое мѣсто, потому-что онъ зналъ лучше другихъ, въ какомъ мѣстѣ какую слѣдуетъ пѣть пѣсню, гдѣ что надлежало дѣлать, гдѣ и какую жертву посвящать богамъ. Въ судахъ тоже; если во время мира случилось гдѣ-нибудь въ селѣ или въ полѣ какое-нибудь убійство, Пястунъ лучше всѣхъ зналъ, какой законъ слѣдуетъ въ данномъ случаѣ примѣнить къ убійцѣ. А разъ Пястунъ сказалъ что-нибудь, никто не прекословилъ и не спорилъ. Этотъ небогатый человѣкъ имѣлъ гораздо большее значеніе, чѣмъ многіе изъ самыхъ зажиточныхъ кметовъ. Изъ далекихъ мѣстъ приходили къ нему за совѣтомъ, а если, что часто бывало, такъ-какъ Пястунъ любилъ проводить два или три дня къ ряду въ лѣсу, ухаживая за своими пчелами, не заставляли его дома, тогда терпѣливо дожидались его возвращенія. Пястунъ вообще мало говорилъ и чрезвычайно неохотно; раньше чѣмъ отвѣтить, онъ долго разспрашивалъ, но если разъ сказалъ свое мнѣніе, ни за что не соглашался отказаться отъ него. Всѣ являющіеся къ нему знали объ этомъ и потому, услышавъ мнѣніе или приговоръ Пястуна, никогда не противорѣчили ему.

Это оказываемое всѣми уваженіе къ Пястуну, который, живя почти у самого княжескаго столба, никогда не старался войти съ нимъ въ близкія отношенія, было причиною, что Пястунъ попалъ въ немилость къ князю. Но княжескіе слуги не смѣли даже заикнуться передъ своимъ владыкою о Пястунѣ; и самъ князь не хотѣлъ заводить ссоры съ Пястуномъ, опасаясь, чтобы онъ не употребилъ во зло своего вліянія. Нужно еще замѣтить, что Пястуна нельзя было привлечь ни лестью, ни подарками, особенно лесть была ему противна. Всѣ называли его гордымъ; можетъ быть, онъ и былъ гордъ въ самомъ дѣлѣ, хотя никто не помнилъ, чтобы Пястунъ злоупотребилъ когда-нибудь тѣмъ значеніемъ, какое имѣлъ среди своихъ.

Пястуну въ то время, которое мы описываемъ, было лѣтъ около сорока; это былъ мужчина высокаго роста, крѣпкаго тѣло-

сложенія, но съ перваго взгляда личность его ничѣмъ не отличалась отъ другихъ. Только взглянувъ ему въ глаза, не трудно было замѣтить, что у Пястуна здоровый, сильный и спокойный умъ. Когда въ тѣ тревожныя времена всѣ ради одного страха сердились, ругались и вообще больше выказывали гнѣва, чѣмъ чувствовали въ дѣйствительности, Пястунъ никогда не терялъ понапрасну ни словъ, ни гнѣва. Тѣ, которые его не знали, думали, что онъ молчаливый эгоистъ, котораго нисколько не печалитъ грустная участь сосѣдей и земляковъ; между тѣмъ Пястунъ только на видъ казался молчаливымъ и выносливымъ, холоднымъ себя-любомъ. Одѣвался онъ такъ просто, что за работою трудно было отличить хозяина среди его работниковъ; онъ не любилъ блестящихъ бездѣлокъ и украшеній, безъ которыхъ другіе не могли обойтись, а, главнымъ образомъ, не допускалъ никакихъ переменъ въ одеждѣ и образѣ жизни, если онѣ въ чемъ-нибудь касались древняго обычая и могли его измѣнить.

Въ то время, когда у другихъ были двѣ и три жены, такъ какъ по принятому обычаю такая роскошь не считалась предосудительной, Пястунъ жилъ съ одною Жепицею и его жена не была рабыней, покорною слугою своего господина, какъ жены другихъ кметовъ; жили они въ дружбѣ и согласіи, такъ что трудно было найти болѣе счастливыхъ супруговъ.

Въ его хижинѣ и въ селѣ работали по цѣлымъ днямъ — съ утра до ночи; Пястунъ рѣдко когда оставался дома, а если это случалось, такъ развѣ только тогда, когда нужно было присмотрѣть за работою въ полѣ. Вишъ и Доманъ встрѣтили Пястуна, съ корзиною на плечахъ отправляющагося въ лѣсъ къ своимъ пчеламъ. Они остановились; Вишъ соскочилъ съ лошади и привѣтствовалъ хозяина.

— Мы къ тебѣ,—сказалъ онъ.

— Тогда вернемся въ избу,—отвѣчалъ Пястунъ.

— Или лучше сядемъ гдѣ-нибудь подъ деревомъ, въ сторонкѣ, а то твоя хижина на глазахъ у всѣхъ: у тебя бываетъ много чужихъ людей; а намъ хочется поговорить съ тобою наединѣ...

Пястунъ удивленными глазами посмотрѣлъ на Виша; не отказывая однако желанію гостя, онъ указалъ рукою небольшую поляну въ лѣсу, гдѣ стоялъ небольшой сарай для сѣна. Подобные

сарай славяне называли *одрынами*. Въ эту минуту одрына была открыта настежь; ея прозрачныя, изъ вѣтвей сплетенныя стѣны позволяли сидящему въ ней видѣть всякаго приближающагося чело-вѣка. Внутри, около дверей, лежали двѣ сосновыя колоды, какъ-бы нарочно положенныя здѣсь для сидѣнья.

Всадники оставили лошадей на лугу, а сами сѣли въ сараѣ. Пястунъ вынулъ изъ корзины хлѣбъ и кусокъ сыра и положилъ ихъ на колодѣ передъ гостями, но они даже не дотронулись до нихъ. Вишъ началъ первымъ.

— Ты живешь почти у самаго города, подѣ княжескимъ стол-бомъ,—началъ Вишъ; —незачѣмъ много толковать тебѣ о томъ, что у насъ дѣлается, какъ съ нами обращаются... Мы къ тебѣ затѣмъ пріѣхали, чтобы посовѣтоваться. Вѣче нужно созвать...

Вишъ остановился; Пястунъ, молча, внимательно слушалъ, а Доманъ прибавилъ:

— Если мы теперь не защитимъ себя, насъ истребятъ всѣхъ до одного. Мы должны защищаться. А по старому обычаю надле-житъ начинать съ созванія на вѣче всѣхъ кметовъ, всѣхъ жупановъ.

Пястунъ все еще слушалъ; Вишъ началъ широко распростра-няться о томъ, какъ они прежде жили по селамъ и городищамъ, что съ ними нынче стали продѣлывать, и какъ князья, недоволь-ные тѣмъ, что они, военачальники, по нѣмецкому обычаю, взду-мали всю власть забрать въ свои руки; сколько приходилось имъ переносить отъ маленькихъ князьковъ, которыхъ является все больше и больше, и какъ слѣдовало-бы начать дѣйствовать про-тивъ нихъ, чтобы освободить людей отъ ихъ насилій.

Пястунъ не прерывалъ его ни однимъ словомъ; Вишъ и До-манъ по очереди представляли ему печальное положеніе всѣхъ кметовъ. Наконецъ, высказавъ все, они умолкли, ожидая, что ска-жетъ Пястунъ. Онъ долго еще думалъ, сидя съ опущенною на грудь головою, и, наконецъ, заговорилъ.

— Я скажу вамъ кое-что о старыхъ временахъ. Вы слышали отъ своихъ отцовъ, а отцы ваши слышали отъ своихъ, что нашъ языкъ былъ когда-то въ употребленіи и за Лабою, и далеко за Дунаемъ, по берегамъ Синяго моря и на западѣ до Черныхъ горъ. Это было счастливое время, когда мы одни только жили на гро-мадномъ пространствѣ, а у сосѣдей дома было много дѣла. Тогда-

то мы хаживали безъ мечей, съ гусями, мы тогда пахали пашню и хозяйничали у себя дома безъ князей. Давно, давно ужъ прошло это время. Со стороны моря напали на насъ одни, другіе спустились съ горъ на нашу землю; съ оружіемъ въ рукахъ напали на насъ народы, послушные своимъ князьямъ. Мы должны были защищаться. Насталъ конецъ нашему счастью, нашимъ пѣснямъ, нашему спокойствію. Нужно было взять себѣ вождей изъ-за моря, строить столбы, городища и сражаться... А старая свобода все напоминала намъ о себѣ; князь сталъ нашимъ врагомъ. И что-же? Вотъ нѣмцы исподволь вытѣсняють наше племя и вытѣснили уже насъ изъ прежнихъ обиталищъ; земли у насъ становится все меньше и меньше.

Пястунъ замолчалъ...

— Ну, прогонимъ князей; избавимся отъ нихъ, а нѣмцы влѣзутъ намъ на спину, — прибавилъ онъ черезъ нѣсколько минутъ.

— Мы и не думаемъ прогонять князей, — отвѣчалъ Вишъ; — мы только хотѣли бы этого Хвоста промѣнять на другого. Ты хорошо знаешь, что онъ съ нѣмцами завелъ дружбу; весь родъ его льнетъ всѣмъ сердцемъ къ нѣмцамъ. Не трудно найти другого. Довольно уже пролилось нашей крови. Вѣче намъ нужно...

Хозяинъ долго не отвѣчалъ: онъ взвѣшивалъ каждое слово Виша.

— Намъ и вѣче нужно и кое-какія перемѣны тоже не лишни, — сказалъ онъ; — но и то и другое не такъ легко сдѣлать. Не легкое дѣло задумали вы совершить, точно хотите голую руку положить въ улей. Одни возстають противъ Хвостка и плачутся на него, другіе горою за него стоятъ; согласія не будетъ, а тѣмъ временемъ нѣмецъ успѣетъ пронюхать и бросится на насъ съ оружіемъ въ рукахъ въ то время, когда мы будемъ ссориться и драться между собою. Вѣче намъ нужно, нечего спорить, но такое вѣче, какія бывали во времена отцовъ нашихъ; прежде всего нужно согласіе. Ну, собирайте старшинъ на вѣче.

Они втроемъ начали считать, сколько кметовъ и жупановъ будетъ держать сторону Хвостка, сколько ихъ пойдетъ противъ него, и оказалось, что не малое количество будетъ защищать князя, хотя всѣ знали, что онъ звѣрь и безсердечный себялюбецъ.

Вплоть до вечера совѣщались они въ сараѣ; потомъ пошли

въ избѣ и заняли мѣста у очага. Едва успѣли они разломать хлѣбъ, какъ въ свѣтлицѣ откуда-то появился небольшой, сутуловатый, съ коротко остриженной головою человѣчекъ, въ коротенькой одеждѣ. Кошачьи глаза его съ любопытствомъ разсматривали хозяина и его гостей. Когда замѣтили этого нежеланнаго гостя, умолкли всѣ. Это былъ княжескій слуга, всю жизнь свою скитался онъ по свѣту—князь постоянно куда-нибудь посылалъ его съ цѣлью узнавать, что дѣлаютъ и что толкуютъ люди. Всѣ, и въ городѣ и въ окрестныхъ селахъ, боялись его и недолюбливали, потому-что онъ умѣлъ и высмотрѣть все, и подслушать, и явиться тамъ, гдѣ меньше всего надѣялись его видѣть, а потомъ все слышанное и видѣнное передавалъ своему господину. Не легко было ускользнуть отъ его глазъ. Онъ точно дикая кошка садился на деревья, если ему нужно было все видѣть и слышать, а самому не быть замѣченнымъ; онъ прятался въ чащѣ вѣтвей и листьевъ, закапывался въ лисьи норы, въ стоги сѣна, укладывался въ травѣ или тростникѣ. Его звали Зноскомъ; этимъ прозвищемъ онъ былъ обязанъ своему небольшому росту и жалкому виду. Его появленіе среди кметовъ служило всегда знаменіемъ какой-нибудь бѣды. Этотъ ядовитый змѣй никогда не возвращался въ городъ безъ добычи, а его добыча состояла въ обвиненіи, которыя онъ умѣлъ въ удобную минуту передавать своему господину.

Его широкій ротъ, въ которомъ бѣлѣли два ряда зубовъ, смѣялся въ дверяхъ. Зносекъ стоялъ у порога и разглядывалъ всѣхъ присутствующихъ въ избѣ. Онъ поздоровался съ Пястуномъ, и все улыбаясь, присѣлъ на скамьѣ возлѣ него. Гости поглотили все его вниманіе.

Полная тишина царствовала въ избѣ, одна только Жепица, которая суетилась около огня и, какъ женщина, больше всѣхъ опасалась Зноска, подала ему чарку пива. Противный человѣкъ взялъ чарку въ обѣ руки, посмотрѣлъ въ нее, захохоталъ и началъ какъ-бы про себя хриплымъ голосомъ.

— Мать Жепица, у тебя сердце лучше, чѣмъ у другихъ. Ты вотъ сжалилась надо-мной, а меня никто не привыкъ жалѣть, всѣ меня ненавидятъ! А чѣмъ я виноватъ передъ ними, а? Чѣмъ виноватъ? Развѣ я дѣйствительно такой злой, какъ говорятъ? Я глазъ еще никому не выкалывалъ; никого не околдовалъ; я го-

товъ служить каждому; слушаюсь всѣхъ. А за это всѣ меня топчутъ ногами, плюютъ мнѣ въ лицо и всякій радъ-бы задивить меня, если-бъ сѹмѣлъ.

И Зносекъ заливался дикимъ смѣхомъ, глотая пиво.

— Откуда-же ты знаешь, что люди такъ ненавидятъ тебя?— спросилъ Пястунъ.

— По глазамъ вижу! Ого!— отвѣчалъ довольнымъ тономъ Зносекъ,—у меня собачье чутье!..

Немного погодя онъ добавилъ:

— А знаете новость?

— Какая новость?—спросилъ хозяинъ.

— У его милости въ городѣ, у столба, готовятъ большой пиръ и великую радость. Намъ уже надобно воевать да ссориться. Князь хочетъ жить въ дружбѣ съ своими. Того, которому глаза выкололи, отпустить на волю, чтобы шель, куда глаза глядятъ. Кто знаетъ, можетъ быть у него явятся новые глаза? Дядей своихъ и двоюродныхъ братьевъ князь пригласить къ себѣ въ городъ и мы запьемъ дружбу на вѣки вѣчныя! Вотъ вамъ и новость, и радость большая; а кому-же радоваться, если не вамъ? А потомъ, когда всѣ князья возьмутся за руки и пойдутъ всѣ за одно, у насъ водворится порядокъ! Теперь соберутся какіе-нибудь жалкіе жупаны и лѣзутъ къ князю, кулаками угрожаютъ, потому-что они знаютъ, что князья не ладятъ между собою! Ого, потомъ этого не будетъ!

Зносекъ все громче хохоталъ; всѣ молчали. Зносекъ готовъ былъ продолжать свою рѣчь, когда у дверей раздался чей-то голосъ. Всѣ обернулись къ входнымъ дверямъ. На порогъ стоялъ человѣкъ весь въ черномъ, съ большою палкою въ рукахъ и глазами считалъ всѣхъ находящихся въ избѣ. Когда онъ замѣтилъ Зноска, не сказалъ ни одного слова, вышелъ изъ избы и сѣлъ на крыльцѣ.

— Этотъ какъ меня завидѣлъ,—сказалъ Зносекъ, смѣясь,—не захотѣлъ даже выговорить привѣтствія; пропала у него охота погостить у тебя, Пястунъ!

Послѣ этихъ словъ безобразный человѣкъ выпилъ остатокъ пива, поставилъ чарку на столѣ и, остановившись по срединѣ избы, проговорилъ въ вслухъ, держась за бока руками:

— Вишь и Доманъ!! Вишь и Доманъ!..

— Какъ! Ты меня знаешь?—спросилъ Вишь.

— Я? Дней десять пришлось-бы ѣхать отъ города до того мѣста, гдѣ я никого не знаю,—замѣтилъ Зносекъ;—собакъ—и тѣхъ я знаю; какъ-же не знать мнѣ всѣхъ кметовъ? Вотъ тотъ, который вернулся съ порога, старый Зѣмба. Не правда-ли? Я даже знаю, зачѣмъ онъ пришелъ къ тебѣ и почему не хотѣлъ ничего сказать. Съ его сыномъ случилось въ городѣ несчастье. Онъ подрался съ Славоемъ во время пира, ну и порѣзались молодцы. Мы потомъ одустили его въ озеро, чтобы онъ отрезвился, но онъ лишку воды захватилъ... и здохъ.

Сказавъ это, Зносекъ захохоталъ, поклонился, прыгнулъ разъ, другой и выбѣжалъ изъ избы.

Долго еще послѣ ухода неуклюжаго Зноска сохранялось глубокое молчаніе въ избѣ; всѣ точно ожидали, что вотъ отворятся двери и въ нихъ покажется противный карликъ. Зѣмба тоже сидѣлъ на крыльцѣ и не входилъ въ избу; онъ дожидался, чтобы Зносекъ исчезъ ему съ виду. Когда Зѣмба показался въ дверяхъ, Пястунъ подошелъ къ гостю.

— Я пришелъ къ тебѣ,—началъ старикъ,—пожаловаться да поплакать горькими слезами... Я одинокъ теперь... Моего сына убили въ городѣ... Мы едва нашли его тѣло, чтобы сжечь погибшаго на кострѣ. Скажите-же, братья мои добрые, люди мы или дикіе звѣри, которые не знаютъ мести и позволяютъ убивать себя всякому, кому это вздумается?

Старикъ умолекъ; онъ, не трогаясь съ мѣста, стоялъ, сложивъ руки на груди.

— У меня еще двое дѣтей осталось,—продолжалъ онъ,—хоть-бы этихъ уберечь! Куда-же мнѣ съ ними укрыться? Какъ защитить ихъ головушки отъ хищнаго звѣря? Хвостекъ взѣлся на меня.

Вишь всталъ со скамьи и приблизился къ Зѣмбѣ.

— Братъ,—сказалъ онъ,—пора, давно ужъ пора подумать о нашей судьбѣ... Садись и давай свой совѣтъ.

Небольшой кружокъ людей, рѣшившихъ созвать вѣче, увеличился еще однимъ человѣкомъ.

До поздней ночи совѣщались притѣсняемые кметы.

На слѣдующій день раннимъ утромъ Доманъ и Вишь выѣхали

изъ хижины Пястуна. Хотя Вишъ оставилъ своихъ людей у Домана, но онъ такъ торопился вернуться домой, что не заѣхалъ за ними; простившись въ лѣсу съ Доманомъ, старикъ хорошо извѣстными ему проходами и тропинками поѣхалъ прямо по направленію къ своему селу. На слѣдующій день онъ уже пріѣхалъ въ свою хижину; собаки встрѣтили его веселыми завываніями и громкимъ лаемъ. Въ хижинѣ мерцалъ огонекъ; старуха Яга съ прялкою въ рукахъ сидѣла у очага. Она поклонилась своему мужу, по обычаю, до колѣнъ. Вишъ сѣлъ на скамью и, снимая сапоги, началъ разспрашивать жену обо всемъ, что произошло у него въ домѣ во время его отсутствія. Старшій сынъ Виша, котораго разбудилъ лай собакъ, пришелъ къ отцу и рассказалъ ему обо всемъ обстоятельно. Волкъ унесъ одну овцу; они не сумѣли поймать хищника, хотя отняли у него добычу... Вишевъ сынъ сваливалъ всю вину на пастуховъ, которые, вздремнувъ, не замѣтили, какъ подкрался къ стаду волкъ...

Старикъ, выслушавъ рассказы жены и сына, послѣднему велѣлъ остаться съ собою. Яга съ прялкою ушла въ спальню.

— Людекъ, — обратился Вишъ къ сыну, — мы рѣшили, что нужно созвать старшинъ на вѣче наканунѣ Купалы, въ Змѣиное городище. Разошли по старшинамъ и по селамъ, и самъ поѣзжай. Дѣлай какъ знаешь, даю тебѣ полную свободу, но помни, что нужно торопиться.

— Лучше я самъ поѣду, — отвѣчалъ сынъ. — Кого мнѣ послать, кого выбрать — не знаю. Лучше самъ съѣзжу.

Однакожъ, не смотря на твердое рѣшеніе ѣхать самому, Людекъ печально задумался, опутивъ голову на грудь. Старикъ смотрѣлъ на своего сына и тоже задумался.

— Что будетъ — тому и быть, — проговорилъ наконецъ Людекъ; — ѣхать нужно, завтра же поѣду и понесу зеленую вѣтвь отъ села къ селу.

Разговоръ этимъ и окончился.

Проснувшись на слѣдующій день раннимъ утромъ, Вишъ узналъ, что сынъ его чуть свѣтъ выѣхалъ со двора.

Нѣсколько дней прошло съ того времени; старикъ не получалъ никакихъ извѣстій отъ сына и не зналъ о ходѣ дѣла. Жизнь въ Вишевомъ селѣ проходила, между тѣмъ, такъ-же, какъ и

прежде, рѣдко къ нимъ заглядывалъ гость или прохожій. Однажды вечеромъ, послѣ знойнаго дня, старикъ Вишъ отдыхалъ подъ дубами возлѣ своей хижины. Собаки лежали у его ногъ. Старикъ глубоко задумался о сынѣ, о предстоящихъ дѣлахъ и, уставши, вздремнулъ. Вдругъ одна собака вскочила, побѣжала къ рѣкѣ и нетерпѣливо начала бѣгать, какъ бы почуявъ кого-то; звѣря дикаго или опаснаго человѣка собака издали встрѣтила бы лаемъ. Старикъ изумился, замѣтивъ, что собака остановилась на мѣстѣ и начала вилять хвостомъ, какъ-будто увидѣла знакомаго. Но никого не было еще видно. Собака побѣжала впередъ, виляя хвостомъ, и начала весело лаять. Вишъ привсталъ, посмотрѣлъ въ сторону тростника, откуда доходилъ лай собаки и увидѣлъ того, кого меньше всего ожидалъ теперь видѣть — Самбора. Молодой парень стоялъ среди кустовъ, точно не смѣя приблизиться къ воротамъ, но, увидя хозяина, пошелъ твердымъ шагомъ къ нему.

Вишъ выпрямился и, нахмуривъ брови, поджидалъ Самбора.

— Ты какими судьбами? Откуда? Какъ улизнулъ ты изъ города?—спрашивалъ Вишъ, когда Самборъ кланялся ему въ ноги.

— Я долженъ былъ бѣжать, хотя съ опасностью быть открытымъ и поплатиться за это жизнью,—отвѣчалъ Самборъ;—я долженъ предостеречь тебя. Я не хотѣлъ, чтобы твой дворъ сталъ жертвою неожиданнаго несчастья...

— Несчастье? Что такое? Какое несчастье? — спрашивалъ Вишъ.

— Три дня тому назадъ донесли князю: Вишъ ѣздитъ по селамъ и по дворамъ и собираетъ кметовъ на вѣче.

— Кто донесъ?

— Смерда принесъ эту вѣсть съ охоты третьяго дня,—объяснилъ Самборъ.—Хвостекъ вскочилъ какъ бѣшеный, разсердился, сказалъ, что велитъ сравнять съ землею твой дворъ, а тебя, отецъ мой, повѣсить на первомъ деревѣ. Всю свою злость онъ хочетъ излить на тебя. Онъ уже велѣлъ людямъ быть на-готовѣ. Я слышалъ, какъ князь давалъ это приказаніе и сейчасъ же бросился въ озеро и переплылъ его, чтобы предостеречь тебя объ этомъ. Если не сегодня, то завтра непременно они пріѣдутъ.

Вишъ стоялъ, раздумывая о томъ, что ему теперь дѣлать; онъ былъ спокоенъ; ни страхъ, ни отчаяніе не овладѣли его душою.

Оставалось только или защищаться въ своей хижинѣ, созвать всѣхъ жившихъ на его землѣ, или же поскорѣе съ семействомъ и всѣмъ добромъ уходить въ лѣсъ. Послѣднее не легко можно было привести въ исполненіе: одному человѣку не трудно спрятаться въ лѣсу и избѣжать преслѣдованія врага, но по слѣдамъ стадъ и табуновъ животныхъ княжескіе слуги съумѣютъ найти бѣглецовъ. Въ лѣсу же, хотя-бы и построить засѣки, такъ-же трудно защищаться, какъ въ оградѣ. Покориться судьбѣ и выдать себя и своихъ головою Хвостку—неминуемая смерть или неволя. Старикъ за себя не боялся, давно уже его манило что-то въ могилу, къ отцамъ и дѣдамъ... онъ боялся и беспокоился за судьбу своихъ сыновей и дочерей. Молча онъ далъ знакъ рукою Самбору, чтобы тотъ слѣдовалъ за нимъ и оба пошли къ забору. Нѣсколько разъ старикъ останавливался, опускалъ голову на грудь и задумывался.

Въ воротахъ Вишъ встрѣтилъ старшаго сына, который ѣздилъ созывать кметовъ на вѣче и только-что вернулся. Людекъ на на возвратномъ пути домой узналъ, что въ городѣ, у князя, задумывали противъ его отца. Онъ передалъ другому право созывать старшинъ на вѣче, а самъ вернулся къ отцу. Присутствіе Самбора освобождало его отъ непріятной обязанности передавать отцу печальныя извѣстія.

— Сегодня они еще не поспѣютъ къ намъ прискакать,—сказалъ старикъ;—у насъ есть еще время подумать, что намъ дѣлать, и къ утру приготовиться принять незваныхъ гостей. Теперь нужно созвать челядь, затрубить, чтобы пастухи вернулись... Самборъ, бѣги къ людямъ въ Рыбаки и Бондари... Кто въ состояніи держать мечъ въ рукахъ, пусть сейчасъ-же является. Зажгите труть, вмѣсто зеленой вѣтви... и... скорѣе!

Смотря теперь на старика Виша, можно было подумать, что онъ не только не боялся князя и его слугъ, но радъ былъ тому, что будетъ съ ними сражаться, что еще разъ въ жизни приметъ участіе въ открытомъ бою. Парни, сыновья—все кто, жилъ въ Вишевомъ селѣ—осматривали оружіе, бѣжали за людьми въ Рыбаки, Бондари и другія усадьбы.

Женщины вышли изъ свѣтлицъ, собирались кучками на дворѣ, громко рыдая и ломая руки. Эти стоны давили сердце старика,

онъ велѣлъ имъ молчать, всѣ притихли. Дива съ Ягою стояла впереди всѣхъ.

— Всѣ вы, женщины съ дѣтьми, идите въ лѣсъ, — крикнулъ старикъ. — Веди ихъ въ лѣсъ, Дива. Вернетесь тогда, когда насъ, мертвыхъ или искалѣченныхъ, нужно будетъ или хоронить, или перевязывать наши раны.

Женщины исчезли. На дворѣ бѣготня и движеніе принимали все большіе и большіе размѣры. Старикъ Вишъ безпрестанно отдавалъ приказанія, лично заглядывая во всѣ углы, гдѣ кипѣла работа. Въ хижинѣ Дива, которая рыдала меньше другихъ, собирала женщинъ и дѣтей, велѣла готовить имъ хлѣбъ въ дорогу. Вишъ приказалъ отправить одного мальчугана на небольшой лошадекъ въ ту сторону, откуда ожидали враговъ, чтобы онъ, слышавъ объ ихъ приближеніи, сейчасъ-же вернулся въ село и далъ знать; такимъ образомъ, они были обезпечены, что ихъ не застанутъ врасплохъ. Всю ночь работали парни, поджидая съ минуты на минуты людей изъ Рыбаковъ и Бондарей. О врагѣ не было еще свѣдѣній. Дива, стоя во главѣ женщинъ, готова была по первому извѣстію о приближеніи княжескихъ слугъ, уходить съ ними въ лѣсъ. Никому и въ голову не пришло вздремнуть даже на минуту. Собаки были жалобно. Напрасно старались ихъ унять; онѣ переставали на минуту, но снова подымали протяжный вой, что обитатели села принимали за предзнаменованіе несчастія.

Къ утру въ село подоспѣла горсть работниковъ, ведя за собою всѣхъ собранныхъ ими жителей усадебъ Виша. Они имѣли жалкій и вовсе не воинственный видъ.

Уже начинало свѣтать, когда высланный мальчуганъ прискакалъ къ селу съ громкимъ крикомъ:

— Ъдутъ! Ъдутъ!!

Онъ соскочилъ съ лошади и припалъ къ землѣ, тяжело дыша. Вишъ разставилъ своихъ людей такъ, чтобы княжескіе слуги, подъѣхавъ къ забору, не могли замѣтить никакихъ приготовленій къ защитѣ, ни одного человѣка.

Хижина Виша издали имѣла свой обыденный видъ, но парни, припавшіе къ землѣ, притаились за заборомъ и за толстыми стволами деревьевъ, готовые броситься на врага по первому прика-

занію хозяина. Старикъ Вишъ въ одной рубахѣ, съ накинутой на плечи сермягою, безъ оружія, босикомъ, стоялъ у воротъ и спокойно дожидался незваныхъ гостей.

Вдали что-то загудѣло; по шуму и топоту легко можно было догадаться, что довольно значительная дружина всадниковъ приближается къ селу... Вскорѣ послышались хохотъ, веселый говоръ и крики.

Въ селѣ царствовала полная тишина, только аистъ клекоталъ длиннымъ своимъ клювомъ, хозяйничая въ своемъ гнѣздѣ, точно желая дать знать людямъ, что опасность приблизилась.

Вдругъ за кустами старикъ увидѣлъ шапку Смерды и копы нѣсколькихъ всадниковъ, слѣдовавшихъ за нимъ. Видно, они надѣялись застать Вишевыхъ людей врасплохъ и смѣялись, весело разговаривая между собою.

IX.

Увидѣвъ старика, Смерда повернулся къ своимъ людямъ, далъ имъ знакъ рукою: дружина разбѣжалась во все стороны, окружила Вишевъ дворъ и остановилась, точно опасаясь, что кто-нибудь выйдетъ тайкомъ изъ нея.

Смерда съ тремя слугами подѣхалъ къ воротамъ, нѣсколько не подозрѣвая, что здѣсь поджидали его. Въ городѣ до сихъ поръ не замѣтили, что Самборъ исчезъ; не знали объ этомъ и Смерда.

Вишъ стоялъ въ воротахъ, съ поднятою головою, ожидая нападенія со стороны княжескихъ слугъ. Безоружный старикъ не казался ему страшнымъ. Смерда, насмѣшливо улыбаясь, обратился къ Вишу:

— Вотъ я снова къ тебѣ въ гости!—крикнулъ онъ издали;— радъ ты мнѣ, неправда-ли?

— Я всегда радъ гостямъ,—отвѣчалъ Вишъ спокойно.

— Князь присылаетъ тебѣ поклонъ и приглашаетъ къ себѣ на козлятину, на чарку меда, да на дружескій разговоръ, — сказалъ Смерда насмѣшливымъ тономъ;—а чтобы ты скорѣе къ нему пожаловалъ, меня прислалъ за тобою.

Вишъ молчалъ нѣкоторое время.

— Я радъ-бы поклониться князю,—сказалъ онъ,—но я старъ, а онъ молодъ. Я самъ себѣ господинъ и господинъ на своей землѣ; онъ властелинъ въ городѣ... Если у него есть ко мнѣ дѣло, можетъ сообщить о немъ черезъ посланнаго.

Смерда, все ближе приближаясь къ старику, сталъ ругать его.

— Молчи, ты старый негодяй, непослушный, наглецъ!—кричалъ Смерда: —я прѣхалъ не въ гости звать тебя, а судить, я привезъ съ собою веревки. Тебѣ вздумалось собирать людей на вѣче! Ты...

— Да, я!—отвѣчалъ Вишъ, не трогаясь съ мѣста;—я... каждый изъ насъ, старшинъ, имѣетъ право сзывать людей на вѣче! Такъ было съ незапамятныхъ временъ, такъ будетъ пока мы живы!

— Научимъ мы васъ вѣчевать!—кричалъ взбѣшенный Смерда и, подбѣхавъ къ старику, поднялъ руку на него. Вишъ спокойно отошелъ въ сторону.

— Ты ѣлъ хлѣбъ подь моею крышей,—проговорилъ онъ,—я зла тебѣ не желаю. Уходи прочь, прошу тебя, и скажи князю, что вѣче будетъ, хотя-бы онъ убилъ меня.

Вишъ не успѣлъ еще выговорить послѣднихъ словъ, какъ Смерда призвалъ своихъ и нѣсколько человѣкъ съ крикомъ и визгомъ бросилось на неустрашимаго старика, который теперь только вынулъ мечъ изъ-подъ платья. Изъ-за изгородей, заборовъ и хижинъ всѣ работники, челядь и сыновья Виша намѣревались броситься на отрядъ Смерды. Но Вишъ удержалъ ихъ на мѣстѣ знакомъ руки: онъ хотѣлъ избѣжать пролитія крови.

Княжескіе слуги, испуганные появленіемъ вооруженныхъ людей, готовыхъ защищать Виша, отскочили назадъ.

— Мы будемъ защищаться!—крикнулъ Вишъ. — Уходите, повторяю вамъ, если не хотите вашей разбойничьей кровью оросить моей земли... А ты,—съ гнѣвомъ обратился онъ къ Смердѣ,—ты, измѣнникъ! Тебѣ-ли пристало нападать на своихъ и служить чужимъ? Ты—подлый рабъ!..

Лицо Смерды налилось кровью, онъ заметался во всѣ стороны, ругалъ своихъ людей и крикнулъ имъ:

— Бейти и рѣзать!

Градъ стрѣлъ посыпался съ обѣихъ сторонъ. Работники Виша,

горѣвшіе петербургіемъ вступитъ въ рукопашный бой съ людьми Смерды, тѣснились у воротъ, къ которымъ, съ другой стороны, напирали княжескіе слуги со Смердою во главѣ. Старикъ Вишъ оставался въ самой серединѣ этой толпы, не будучи въ состояніи выйти изъ нея. Заборъ и ворота трещали отъ напора сражающихся.

Старшій сынъ Виша, Людекъ, защищая отца, ударилъ мечомъ по головѣ Смерды и, разрѣзавъ по-поламъ шапку, нанесъ ему сильный ударъ въ голову. Кровь потекла изъ раны обильною струею. Почти въ то-же самое мгновеніе копье одного изъ княжескихъ слугъ вонзилось въ грудь стараго Виша; рубаха его покраснѣла отъ крови, лившейся изъ раны. Старикъ дрожащей рукою схватилъ копье, вонзившееся ему глубоко въ грудь, вытащилъ его, но желѣзо и кусокъ дерева осталось въ ранѣ. Вишъ, схватившись обѣими руками за грудь, издалъ протяжный, жалобный стонъ и упалъ на руки сына.

Увидя трупъ своего господина, рабочіе и челядь съ бѣшенствомъ бросились на княжескихъ слугъ. Сраженіе началось; луки и пращи были на время забыты: кулаки и зубы, — вотъ оружіе, которымъ начали мстить городескимъ людямъ работники стараго Виша. На крикъ и шумъ подоспѣли на помощь къ Смердѣ тѣ, которые обходили заборы, желая напасть со всѣхъ сторонъ на домъ Виша. Ихъ неожиданное появленіе нѣсколько смутило защитниковъ. Но это продолжалось только одно мгновеніе: стоявшіе во дворѣ, въ свою очередь, ударили на осаждающихъ; замѣтивъ это, прежніе бойцы бросились на Смерду и его слугъ и успѣли ихъ нѣсколько отодвинуть отъ забора. Трупъ Виша, облитый кровью, возбуждалъ въ нихъ новыя силы для борьбы.

Съ обѣихъ сторонъ одинаковое количество людей нападало другъ на друга. За одного старца слуги его положили на мѣстѣ нѣсколькихъ смердовыхъ воиновъ. Смерда былъ тяжело раненъ; когда его глаза стали заплывать кровью, онъ удалился съ поля сраженія и приказалъ своимъ отступитъ. Оставшіеся въ живыхъ княжескіе слуги стѣснились около своего вождя и отступили къ рѣкѣ. Побѣдители не преслѣдовали ихъ; они довольствовались ѣдкими насмѣшками и ругательствами, которыя посылали вслѣдъ Смердѣ и его товарищамъ. Отъ рѣки доходили до нихъ только

крики и шумъ; слуги Виша не оставались въ долгу, отвѣчая тѣмъ-же.

— Собачьи сыны! Невольники! Рабы!

— Змѣи! Предатели! Измѣнники!..

Такія слова раздавались то съ одной, то съ другой стороны. Кулаки и мечи поминутно подымались вверхъ.

— Идите-ка сюда!—кричали одни!

— Попробуйте подойти!—отвѣчали другіе.

Между тѣмъ, въ кустарникѣ, на берегу рѣки, Смерда обвязывалъ себѣ голову, а сыновья Виша подняли трупъ отца и понесли его въ избу на постель. Плачъ и крикъ раздавались теперь въ Вишевой хижинѣ.

Никто не думалъ начинать снова сраженія. Голоса понемногу притихли. Теперь можно было навѣрное разсчитывать, что Смерда оставитъ ихъ въ покоѣ. Дѣйствительно, Смерда былъ доволенъ и тѣмъ, что виновникъ и зачинщикъ погибѣ, и думалъ о возвращеніи къ князю. Ни онъ, ни люди его не хотѣли подвергать своей жизни новой опасности, не считая себя болѣе сильными, чѣмъ ихъ противники. Они довольствовались угрозами и легли на землѣ недалеко отъ воротъ, гдѣ оставались до поздняго вечера. Людекъ велѣлъ зорко слѣдить за каждымъ ихъ движеніемъ, чтобы они ночью внезапно не бросились на село. Ночь наступила, говоръ притихъ, казалось, что княжескіе слуги заснули.

Высланный мальчуганъ, подползшій на четверенькахъ до того мѣста, гдѣ стояла дружина Смерды, увидѣлъ какъ они, пользуясь темнотою ночи, перешли рѣку въ бродъ и по противоположному ея берегу поѣхали въ сторону княжескаго столба. Теперь, оставивъ нѣсколько человекъ на часахъ, можно было отдохнуть хоть на время. Дорого обошелся имъ этотъ отдыхъ!

Въ свѣтлицѣ, на своей постели, лежалъ трупъ старика, который сжатою рукою все еще держалъ кусокъ дерева, глубоко засѣвшій въ его груди, облитой черною застывшей кровью. Лучина горѣла на очагѣ, оба сына сидѣли на свѣтлицѣ и заливались горькими слезами. Некому было думать о похоронахъ, потому-что всѣ женщины все еще сидѣли въ лѣсу.

Самборъ побѣждалъ за ними въ лѣсѣ; долго звалъ онъ ихъ, пока на зовъ его отвѣтили; затѣмъ сошлись жена Виша, его до-

чери, невѣстки, служанки и внучата. Среди глубокой ночи возвращались они изъ лѣсу. Женщины рыдали, пѣли, охали, вырывая себѣ волосы, а лѣсъ глухимъ стономъ вторилъ имъ, какъ будто сочувствуя ихъ горю.

Впередѣ шла Яга, съ распущенными длинными сѣдыми волосами, со сложенными на груди руками, съ закрытыми глазами. Дочери вели ее подъ руки. Онѣ тоже распустили косы, сняли вѣнки съ головъ, разорвали свою одежду. Одна Дива молчала и слѣдовала за всѣми, какъ полумертвая.

Печальные стоны, плачь и грустные пѣсни женщинъ разстрогали мужчинъ, и они стали рыдать. Когда отворили двери въ свѣтлицу, всѣ женщины бросились къ трупѣ старика.

Огонь началъ гаснуть на камняхъ: кто-то подбросилъ пучокъ лучинъ, огонь снова запылалъ пламенемъ и освѣтилъ такую страшную картину, что одинъ видъ ея заставилъ рыдать тѣхъ, которые уже цѣлый день плакала и стонали.

На дворѣ собаки выли, въ сараяхъ ревѣли коровы и ржали лошади. Наконецъ Дива поднялась съ земли. Старуха Яга послѣдовала ея примѣру, однѣ только плакальщицы остались лежать на землѣ, оглашая воздухъ плачемъ и пѣснями. Мать и дочь принялись одѣвать умершаго.

Пепелище находилось довольно далеко отъ хижины, на песчаной полянѣ въ серединѣ лѣса. Работники отправились туда приготовить дровъ для костра, собрать камни на могилу, потому-что не хотѣли долго держать трупа несожженнымъ, чтобы духъ старца могъ скорѣе улетѣть къ отцамъ своимъ и братьямъ.

Ночь прошла среди приготовлений и плача... Къ утру старый Вишъ сидѣлъ на скамьѣ точно живой. На него надѣли лучшую одежду, препоясали лучшій мечъ, на голову надѣли шапку съ бѣлымъ перомъ; лукъ, праща, каменный топоръ отцовъ и кремневое долото дополняли одежду и вооруженіе умершаго на полѣ брани старца.

Сѣропѣгій конь, на которомъ совершилъ Вишъ послѣднее путешествіе, стоялъ возлѣ хижины въ сараѣ. Ему суждено было погибнуть на кострѣ вмѣстѣ съ своимъ господиномъ...

У ногъ покойника сидѣла Яга, съ опущенною головою. Старуху-вдову нарядили въ самое красивое ея платьѣ и платки, на

шеѣ у нея блестяи янтарныя бусы. Старуха вздыхала и стонала, сидя у ногъ покойника мужа. Немного подалѣе отъ нея сидѣли плакальщицы, царапая себѣ грудь руками. Онѣ плакали и завывали. Въ глубинѣ избы стояли сыновья Виша, отирая слезы руками.

— ...Ушелъ ты отъ насъ, — пѣли плакальщицы, — нѣтъ тебя болѣе, господинъ нашъ, оставилъ ты насъ сиротами. Отошелъ ты къ отцамъ своимъ, къ яснымъ духамъ, воевать будешь съ черными духами. На землѣ у тебя было все, чего душа твоя желала... Земля обширная, звѣрей бездна, безъ счета скотины, запасы хлѣба, тысячи ульевъ и медъ бѣлый... И любили тебя люди... И жену имѣлъ ты вѣрную и любящую, послушныхъ дѣтей, покорную челядь, лошадей быстроногихъ... И бросилъ ты, господинъ нашъ, и насъ всѣхъ... и дѣтей... и жену свою... и никогда къ намъ не вернешься... Взгляни на оставленныхъ сиротъ, рвутъ они волосы, слышишь ихъ стоны... Открой вѣки, Вишъ, воинъ непобѣдимый; врагъ напалъ на тебя... измѣнникъ-врагъ убилъ тебя... Но кровь твоя отомщена... Местъ ненасытна; послѣдній изъ твоего рода будетъ еще мстить твоимъ врагамъ; и будетъ такъ во-вѣки-вѣковъ, пока останется въ живыхъ хотя одинъ изъ племени убійцы и разбойниковъ...

Пѣсня эта повторялась много разъ, сопровождаемая стонами, плачемъ и рыданіями.

Начинало уже свѣтать, когда вернувшіеся съ работы въ лѣсу работники объявили, что на полянѣ готовъ уже костеръ. Сейчасъ-же были посланы люди Виша къ сосѣдямъ съ приглашеніемъ отъ старухи Яги и сыновей Виша на скорбный хлѣбъ.

Печальное шествіе тронулось изъ села. Четыре работника несли сидящее тѣло покойнаго, за которымъ вели лошадь стараго кмета, его собакъ, несли одежду и оружіе. Плакальщицы окружили тѣло Виша, напѣвая пѣсни и издавая ужасныя стоны. За ними слѣдовали сѣдовласый Слованъ и Яга, которую поддерживали двѣ ея дочери; всѣ, безъ исключенія, работники и работницы вышли проститься съ любимымъ всѣми хозяиномъ. Въ селѣ не осталось ни одной живой души. Всѣ избы настѣжъ были открыты.

Чтобы дойти до поляны, на которой сжигали тѣла умершихъ, приходилось проходить черезъ густой лѣсъ, окружающій со всѣхъ сторонъ поляну; лѣсъ этотъ защищалъ могилы отъ чужихъ. На

полянѣ нѣсколько рядовъ большихъ камней обозначали могилы прежде умершихъ кметовъ. Засохшая трава была единственнымъ украшеніемъ этого жилища мертвыхъ.

У самаго входа, на плотно убитой землѣ, находился огромный костеръ, сложенный изъ сосновыхъ бревенъ, поддерживаемыхъ четырьмя высокими колодами, глубоко вбитыми въ землю съ четырехъ его сторонъ. Рядомъ съ костромъ стояли зольники, горшки, мисы и маленькіе глиняные сосуды, въ которые послѣ сожженія костра должны были положить пепель и обѣтныя жертвы; на землѣ лежалъ хлѣбъ, калачи, мясо, пиво и медъ — все приготовленное для совершенія обряда тризны. Лучезарное, ясное солнышко и теплый майскій день дѣлали погребальный праздникъ еще болѣе торжественнымъ и спокойнымъ, точно добрые духи выражали этимъ свою радость, что къ нимъ прибудетъ старый Вишъ.

Женщины окружили Ягу, которая молча цѣловала по очереди всѣхъ дѣтей своихъ, точно на вѣки вѣчныя прощаясь съ ними. Онѣ не говорили ни одного слова; со вчерашняго дня старуха хранила глубокое молчаніе, но всѣ предчувствовали, всѣ знали, что она рѣшилась умереть вмѣстѣ со своимъ мужемъ, и ни за что не согласится остаться на землѣ одна, осиротѣлая, безъ мужа.

Плакальщицы громко пѣли и стонали, когда сыновья Виша и его работники внесли тѣло покойнаго на костеръ, и посадили его въ самой серединѣ, укладывая вокругъ него все, что вмѣстѣ съ нимъ слѣдовало предать огню. Тутъ было собрано все, чѣмъ пользовался при жизни старикъ дома, за работою и на охотѣ. Сосновыя колоды, уложенныя одна на другой, точно лѣстница, вели къ трупѣ, окруженному оружіемъ и одеждою.

Еще не совсѣмъ усадили Виша на костръ, еще не успѣли привязать его, когда Яга, горячо поцѣловавъ Диву, медленнымъ шагомъ направилась къ костру. Къ ней подбѣжали сыновья, желая удержать ее, но она рукою ихъ слегка оттолкнула; подошли къ ней дочери, Яга дала имъ знакъ рукою, чтобы онѣ отошли въ сторону; маленькія внуки бросились къ ней съ плачемъ, но она указала на нихъ рукою своимъ дочерямъ, чтобы тѣ взяли дѣтей на руки... Яга, не останавливаясь, твердымъ шагомъ, подошла къ костру; остановившись здѣсь, она посмотрѣла въ послѣдній разъ на всѣхъ окружающихъ и смѣло поднялась по ступенямъ на ко-

стеръ, къ своему мужу; Яга упала къ ногамъ покойника и, обнявъ ихъ руками, сидѣла недвижно, точно умершая.

Плакальщицы все громче охали и стонали. Работники привели вѣрнаго Вишева коня и привязали его къ столбу, связавъ ему ноги. Рядомъ поставили любимыхъ Вишевыхъ собакъ... Плакальщицы начали бѣгать вокругъ костра. Плачъ и стоны увеличивались. Наконецъ зажгли въ четырехъ сторонъ смолистыя лучины. Едва успѣли зажечь ихъ, какъ весь костеръ объяло пламенемъ. Дымъ и пламя закрыли покойника и Ягу.

Огонь съ жадностью пожиралъ костеръ. Неописанный пронзительный крикъ присутствующихъ огласилъ воздухъ. Вѣтеръ усиливалъ пламя, которое своими огненными языками лизало сосновые бревна, превращая ихъ въ уголь. Рубиново-красныя бревна опускались все ниже и ниже. Окружавшіе костеръ мужчины и женщины пристально смотрѣли на обуглившіеся трупы Виша и Яги, ожидая, когда души ихъ улетятъ къ небу.

Наступила минута, когда слѣдовало отгонять злыхъ духовъ, черныхъ боговъ; четыре работника, верхомъ, держа въ рукахъ длинныя копыя, поскакали вокругъ костра, а всѣ присутствующіе, махая руками, подбрасывая вверхъ мечи, неистово кричали.

Костеръ все еще горѣлъ. Изъ-за облаковъ дыма, изъ свѣтлыхъ языковъ пламени все еще видны были два почернѣвшія тѣла, изъ которыхъ одно сидѣло, другое лежало у его ногъ. Наконецъ нижнія колоды начали ломиться. Обугленные трупы рухнули въ огненную бездну. Пѣсни притихли, души покойниковъ вознеслись къ небу. Сыновья и дочери покойныхъ продолжали бросать въ огонь все, что было у нихъ дорогого, что могло пригодиться на томъ свѣтѣ ихъ отцу: оружіе, куски металла, камни.

Между тѣмъ служанки наполняли миски, корыта и горшки кушаньемъ для живыхъ и умершихъ, могильною жертвою для духовъ.

Костеръ, все уменьшаясь, превратился въ груды черныхъ углей и пепла. Мужчины подбирали разбросанные по сторонамъ куски дерева и углей, дожидаясь когда священный огонь самъ погаснетъ. Солнце клонилось уже къ закату, когда сгорѣли остатки костра; оставшіеся красноватые угли были залиты водою, принесенною изъ священнаго источника.

Только теперь къ костру подошли женщины, неся глиняный

зольникъ, чтобы положить въ него негорѣвшіе остатки костей, угля и всего, что, вмѣстѣ съ покойникомъ истребленное огнемъ, съ нимъ-же перешло на тотъ свѣтъ.

Печальное шествіе: мужчины, женщины и дѣти, неся зольникъ, горшки и мисы, направились къ тому мѣсту, гдѣ предполагалось насыпать могилу Вишу, около могилъ его отцовъ и братьевъ. По срединѣ поставили зольникъ съ пепломъ и накрыли его крышкою. Около него разставили горшки и мисы съ кутьею. Сыновья и дочери Виша, каждый изъ его работниковъ,—все спѣшили принять участіе въ работѣ сооруженія его могилы. Подъ звуки пѣсенъ и стоновъ принялись они сыпать могилу.

Женщины устѣлись вокругъ могилы, плача и напѣвая заунывные пѣсни. Теперь пѣсни были болѣе спокойныя—духъ Виша улетѣлъ. Могила была насыпана. Ночь покрыла своимъ мрачнымъ покровомъ и могилу Виша, и окружающихъ ее и черный, уныло шумѣвшій лѣсъ.

На томъ мѣстѣ, гдѣ стоялъ костеръ, мужчины развели огонь, и началась тризна.

Сосѣдей собралось много. Дѣти Виша угощали всехъ, со всеми пили медъ и пиво. Большія бочки пива и меда стояли у огня, къ нимъ подходили все гости и рабочіе, утолить жажду. Около мисокъ и корытъ, наполненныхъ кушаньемъ, сидѣли мужчины, отдѣльно отъ нихъ, немного подалеже, разсѣлись женщины.

Вдругъ раздались звуки гуслей и говоръ умолкъ: только вѣтеръ ходилъ по лѣсу и вторилъ пѣснѣ Слована. Слованъ пѣлъ:

— Домъ твой опустѣлъ, одинокій стоитъ въ лѣсу. У дѣтей твоихъ нѣтъ болѣе отца. Ты, старикъ, отошелъ къ своимъ отцамъ пить бѣлый медъ и пировать. Старый воинъ... воинъ старый... Волосы твои, какъ снѣгъ были бѣлы; но молоды руки твои. Кто-же сосчитаетъ, кто воспоетъ, что оставилъ ты на землѣ... Сколько звѣрей пало отъ руки твоей; сколько бортей, сколько ульевъ ты воспиталъ, взлелѣялъ; сколькихъ враговъ убилъ ты, сколькимъ несчастнымъ далъ пищу. Вишь старый, сынъ Збоя, не вернуться тебѣ болѣе на нашу землю. Землею мы тебя засыпали, пепелъ твой облили слезами. Съ тобою пошла вѣрная жена, конь твой милый, рогъ твой звучный. Вишь мой старый, сынъ Збоя, не вернуться тебѣ болѣе. Летать будешь по яеному небу, молотомъ

бить будешь нѣмецкихъ духовъ. Костеръ зажгли тебѣ большой... О Лада! Лада! Лада!..

Всѣ повторили за пѣвцомъ: Лада! И громкій крикъ разнесся по полянѣ, по лѣсу и по всей окрестности. Людекъ, держа въ рукахъ чарку съ медомъ, запѣлъ печально:

— Отецъ добрый... Вишь воинъ и господинъ нашъ, мы отмстимъ за твою кровь. Кровью за кровь расплатятся они; жизнь за жизнь отдать должны! Кровь за кровь!

Всѣ мужчины, родственники Виша, подымая руки, громкимъ голосомъ крикнули:

— Кровь за кровь!

Подлѣ Людека стоялъ только-что прибывшій Доманъ; онъ крикнулъ громко одинъ:

— Кровь за кровь!

Всѣ повернули къ нему головы. Онъ стоялъ съ опущенною на грудь головою, онъ плакалъ, точно родного отца потерялъ, и говорилъ полу-пѣснею, полу-словомъ:

— Вишь старый пусть радуется... Быть тому, чего онъ хотѣлъ... быть тому, что онъ повелѣлъ... Несутся воины, ѣдутъ воины... И старшины созваны... Въ городѣ страхъ большой... Блѣдный Хвостекъ собираетъ своихъ рабовъ. Пойдемъ на вѣче, понесемъ окровавленное платье, положимъ его передъ старшинами, и будемъ молить о мести...

Ему вторили, повторяя каждое слово и поднимая чарки съ медомъ всѣ вблизи его находившіеся мужчины. Молодежь не могла удержаться, чтобъ не проклинать Хвостка и всѣхъ его рабовъ, обращая въ сторону Топла сжатые кулаки.

По мѣрѣ того, какъ бочки опорожнялись, увеличивался говоръ и шумъ; старики начали рассказы объ умершемъ: какъ онъ среди войны и труда провелъ свои молодые годы, какъ онъ любилъ своихъ, какъ всѣ его любили, какъ онъ гостя считалъ неприкосновеннымъ, святымъ... А между тѣмъ чарки съ медомъ переходили изъ рукъ въ руки, жажда мести увеличивалась съ каждою минутою.

Женщины сидѣли въ сторонѣ и тоже пѣли тихимъ голосомъ.

Поминающіе оставались на полянѣ цѣлую ночь, весь слѣдующій день и слѣдующую ночь; тризна кончилась только на третій

день. Молодежь бросала мечи и копья, бѣгала и скакала верхомъ, стараясь обогнать другъ-друга, пробовала свои силы, стараясь пересилить одинъ другого въ рукопашномъ бою. Все это продолжалось до тѣхъ поръ, пока въ бочкахъ былъ медъ, а утомленіе не изнурило мужчинъ; женщины, сидя, дремали. Тогда только начали расходиться по домамъ, прощаясь съ могилою умершаго и украшая ее зелеными вѣтвями.

Доманъ пребылъ до самаго конца; когда сыновья Виша оставляли поляну, онъ пошелъ съ ними, провожая ихъ до дому.

На пути онъ остановилъ ихъ.

— Послушай,—Людекъ, обратился онъ къ старшему,—не знаю, слѣдуетъ-ли теперь говорить объ одномъ важномъ дѣлѣ, или нѣтъ... но мнѣ необходимо вынуть изъ сердца, что я въ немъ ношу, и показать вамъ. Сядемъ здѣсь и поговоримъ.

Они сѣли подъ дубомъ; Доманъ пожалъ руки обоимъ братьямъ и сказалъ:

— Я всегда хочу быть съ вами; я желаю быть вашимъ братомъ, будьте-же и вы мнѣ братьями.

— Согласенъ!—отвѣтилъ Людекъ, наслѣдовавшій отъ отца его спокойный и твердый характеръ и мужество; онъ говорилъ рѣдко и мало, но разъ рѣшившись на что-нибудь, сдерживалъ свое слово, хотя-бы пришлось поплатиться кровью.

— Что-же вы думаете теперь дѣлать? Смерть отца необходимо отомстить; иначе нельзя. Смерда убилъ его... но Смерда не главный виновникъ, онъ дѣйствовалъ такъ не по своей волѣ. Что-же вы думаете дѣлать?

— Ты давеча хорошо сказалъ, — отвѣтилъ Людекъ за себя и за брата, подумавъ немного, — понесемъ на вѣче окровавленное платье и отцову рубаху, покажемъ ихъ старшинамъ и скажемъ: за васъ и ваше дѣло Вишъ положилъ свою голову, за вѣче; пусть-же вѣче приказываетъ, какъ отомстить смерть нашего отца...

Онъ посмотрѣлъ въ глаза Доману.

— Да,—отвѣчалъ Доманъ,—пусть старшины постановятъ, какъ поступить въ этомъ дѣлѣ, а если не хватитъ вамъ рукъ, чтобы достойно смыть нанесенную обиду, мои руки всегда готовы вамъ помочь.

Глаза Домана горѣли, видно было, что не на этомъ онъ хотѣлъ

остановиться; онъ поднялъ глаза, но сейчасъ же снова опустил ихъ.

— Я хочу быть вашимъ братомъ... братомъ вашимъ, — добавилъ онъ.

— Мы твои братья! — въ одинъ голосъ отвѣчали оба сыновья Виша и пожали руку Домана.

— Не выбралъ я времени просить стараго Виша, — сказалъ Доманъ, — такъ вамъ скажу... Я хочу взять вашу сестру.

Наступила минута тягостнаго для всѣхъ молчанія. По тогдашнему обычаю сестры выходили замужъ по старшинству. Не спрашивая Домана, оба брата догадались, что онъ думалъ о Дивѣ. Людекъ опустилъ голову.

— Братъ, — Доманъ, — проговорилъ онъ съ трудомъ, — Дива не хочетъ идти замужъ. Это не новость. Она уже давно пожертвовала собою богамъ. Она не для дѣтей, не для прялки, не за горшками смотрѣть ей... Священный огонь, священный ключъ, пѣсни и ворожба — вотъ чѣмъ будетъ заниматься Дива. Въ жены она тебѣ не годится. Отдалъ-бы я ее тебѣ охотно, но какъ-же мнѣ идти противъ ея воли?

Послѣдовало молчаніе; Доманъ, опустивъ голову на грудь, нетерпѣливо рвалъ руками свою бороду.

— О! — сказалъ онъ, — развѣ это рѣдко случается, что пока она въ дѣвкахъ, въ головѣ ея зарождаются разные думы, а возьметъ ее кто-нибудь въ жены, она все забудетъ. Дива пришлась мнѣ по душѣ; мнѣ нравится въ ней и краса ея, и характеръ, У меня всего вдоволь, сдѣлаю ее княгиней, развѣ птичьего молока только не будетъ у нея...

Людекъ отрицательно махнулъ головою...

— Чѣмъ-же я могу помочь? — сказалъ онъ. — Съ богами и духами спорить я не въ силахъ. Младшую сестру, если захочешь, могу отдать тебѣ. Она не хуже Дивы, тоже красавица. Хотя-бы она и не рада была, возьмешь ее.

Онъ посмотрѣлъ на Домана. Доманъ сорвалъ зеленый листъ, приложилъ его къ губамъ и, глядя куда-то вдаль, молчалъ; когда листъ упалъ съ его губъ, онъ сказалъ:

— Если-бы ты приказалъ дѣвкѣ, она должна-бы тебя послушаться; ты теперь хозяинъ, что прикажешь, то и должно сове р-

питься. Да, каждая дѣвка думаетъ, что будетъ служить богамъ и духамъ; но развѣ слѣдуетъ слушать ихъ?

— Я не властенъ приказать Дивѣ,—сказалъ Людекъ.

Лицо Домана налилось кровью, глаза горѣли, и онъ тяжело дышалъ.

— Эй! — крикнулъ онъ. — Вотъ каково твое братское чувство! Диву не хочешь отдать потому, что отъ другого кого-нибудь ждешь большого выкупа.

— Доманъ, братъ... Я не хочу никакого выкупа. Я правду истинную говорю.

— Хочешь, чтобы я сталъ вамъ братомъ, чтобы и я съ вами поклялся мстить Хвостку, такъ отдай мнѣ сестру, — повторилъ Доманъ.

— Младшую отдамъ...

— Я старшую хочу, или ни одной.

— Не могу! — спокойно, но твердо, отвѣчалъ Людекъ.

Доманъ привсталъ, сорвалъ зеленый листъ и, по привычкѣ, приложилъ его къ губамъ. Постоявъ немного, онъ отошелъ въ сторону.

— Отецъ твой навѣрное отдалъ-бы мнѣ ее! — вскричалъ онъ гнѣвно.

— Никогда...

— Хочешь имѣть меня на своей сторонѣ, отдашь Диву, иначе...

Людекъ вздрогнулъ; Доманъ началъ уже выводить его изъ терпѣнія.

— Такъ и не надо! — крикнулъ онъ.

— Значить, ты хочешь видѣть во мнѣ не брата, а врага? — сказалъ Доманъ.

— Подкупить тебя я не могу, значить, принужденъ буду обойтись безъ тебя, — отвѣчалъ Людекъ равнодушно.

Доманъ задрожалъ отъ злости.

— Эй, Людекъ, братъ! Не хорошо ты дѣлаешь, — говорю тебѣ. — Ради дѣвки ты не хочешь утѣшить отца въ могилѣ вражескою кровью. Эй, эй!..

— Я уже сказалъ, — отвѣчалъ Людекъ, — не могу...

— Тебѣ теперь друзья нужны, а ты самъ дѣлаешь себѣ не-

друзговъ!—злобно смѣясь, говорилъ Доманъ;—у тебя ума, какъ я вижу, нѣтъ.

Они посмотрѣли другъ другу въ глаза. Людекъ, стараясь не дать воли вспыхнувшему въ немъ гнѣву, еще разъ замѣтилъ:

— Не могу!

Доманъ собирался уйти.

— Не хотите по доброму согласію отдать,—крикнулъ онъ,—такъ я ее не сегодня, завтра—возьму силою.

— А мы силою-же будемъ защищать ее!..

— А, посмотримъ!

— И мы посмотримъ!

При послѣднихъ словахъ они отошли другъ отъ друга, презрительно глядя одинъ на другого. Они не пожали руки другъ другу. Младшій братъ стоялъ за Людекомъ, который замѣнялъ ему теперь отца.

Доманъ надвинулъ шапку на глаза и ушелъ отъ нихъ. Его лошади стояли недалеко отъ поляны и могилъ. Черезъ нѣсколько времени раздался лошадиный топотъ вдали... Доманъ уѣхалъ.

Людекъ все еще стоялъ на томъ-же мѣстѣ въ надеждѣ, что Доманъ вернется. Услышавъ топотъ, и онъ двинулся въ путь. Въ лѣсу раздавались звуки ломающихся вѣтвей и лай собакъ. Доманъ съ каждою минутою удалялся все болѣе отъ нихъ.

На обратномъ пути домой Людекъ и его братъ встрѣчали своихъ людей, которые, напѣвая пѣсни, возвращались въ село. Тризна и пиръ изнурили ихъ больше, чѣмъ могло-бы изнурить сраженіе.

На слѣдующій день въ Вишевой избѣ и на селѣ пошла обычная жизнь. Женщины сутились у огня, Дива за прялкою сидѣла у окна, служанки вертѣли жернова. Движеніе было даже больше обыкновеннаго, потому что похороны оставили свой слѣдъ на каждомъ шагу. Старухи Яги, которая всегда управляла хозяйствомъ—не было. Ея мѣсто заняли теперь жена Людека: она надъ женщинами, мужъ—надо всѣми имѣли теперь полную власть.

Вечеромъ на крыльцѣ сидѣли двѣ сестры, Дива и Живя; обнявшись, онѣ пѣли печальныя пѣсни, глядя куда-то въ даль задумчивыми глазами. Людекъ подошелъ къ нимъ. Какъ только сестры завидѣли брата, онѣ привстали передъ нимъ, какъ передъ хозяиномъ. Онъ остановился передъ ними. Дива подошла къ нему.

— Скажи, на милость, зачѣмъ это ты обворожила Домана? — спросилъ онъ.

— Я?—краснѣя, спросила красавица,—я и ворожбы не знаю и ворожить не умѣю, да и Домана знать не хочу.

— Онъ изъ-за тебя сталъ нашимъ врагомъ,—сказалъ Людекъ.— Онъ хочетъ взять тебя у насъ... Угрожаетъ намъ...

— Я дала обѣтъ служить богамъ,—спокойно пояснила Дива.

— Онъ знаетъ объ этомъ, но слушать не хочетъ.

— Чѣмъ-же я виновата?

— Эй, Дива!—сказалъ братъ,—лучше-бы тебѣ выйти за него, у насъ былъ-бы братъ, а такъ врага мы себѣ въ немъ наживемъ.

Дива встряхнула головою, слезы закапали изъ ея глазъ; она взглянула на брата и обратилась къ нему съ печальною улыбкою:

— Не заставляй меня,—умоляла она тихимъ голосомъ,—нарушить клятву... Оставь Диву въ покоѣ. Я буду прясть пряжу, носить воду, пѣть пѣсни.

Сказавъ это, она поклонилась въ ноги Людеку. Живя, не говоря ни слова, подошла къ брату, тоже поклонилась ему въ ноги, обняла его колѣни и тоже стала просить, чтобы онъ не неволилъ Диву выходить замужъ.

Людекъ опустилъ на грудь голову и молча ушелъ. Сестры остались однѣ на крыльцѣ.

Х.

Густой, непроходимый лѣсъ окружалъ со всѣхъ сторонъ Змѣиное урочище, какъ-бы забытое съ-поконъ вѣковъ: ни одна тропинка не вела къ нему отъ лѣсныхъ окраинъ. Почти непроходимыя тряскія болота дѣлали его недоступнымъ для человѣка. Только съ одной стороны узенькая полоса твердой земли позволяла добраться до урочища. Въ давно минувшія времена, когда разные народы безпрестанно мѣняли мѣсто своего пребыванія здѣсь, по всей вѣроятности, были ихъ первыя становища на незнакомой имъ землѣ. Здѣсь, въ память этого событія, всегда собирались старшины для совѣщаній. Урочище было опоясано, теперь уже наполовину разрушеннымъ, покрытымъ густою травою, землянымъ ва-

ломъ. Въ самой срединѣ стояла, лишенная крыши, ветхая хижина, стѣны которой наклонялись въ разныя стороны. Около нея лежалъ, на землѣ, опоясывающій ее когда-то, а теперь полусгнившій заборъ. Кромѣ этого остатка почернѣвшаго и разрушеннаго сарая или хижины, на полянѣ не было ничего, ни деревьевъ, ни камней; жалкая трава, кое-гдѣ нѣсколько хилыхъ цвѣтовъ и старыя норы землероевъ. Окрестность, какъ и самое урочище, имѣла какой-то строгій, печальный видъ. Угрюмый, черный лѣсъ окружалъ ее со всѣхъ сторонъ. Немного въ сторонѣ небольшое, заросшее камышомъ озеро принимало въ себя грязную рѣчку, протекавшую по болотамъ. Заунывные голоса чаекъ заглушали пѣніе лѣсныхъ птичекъ. Пернатые жители лѣса подымались съ безпокойствомъ цѣлыми стадами и кружились надъ верхушками деревьевъ, какъ-бы отгоняя отъ своихъ гнѣздъ непрошенныхъ гостей.

Въ томъ мѣстѣ, гдѣ урочище соприкасалось съ твердою землею, старый лѣсъ защищалъ его отъ любопытныхъ посѣтителей.

Сказано—сдѣлано. Кметы рѣшили созвать вѣче наканунѣ праздника Купалы. Многіе изъ кметовъ и жупановъ знали уже, какая участь постигла стараго Виша за то, что онъ первый задумалъ созвать вѣче. Смерть старика напугала немногихъ, многихъ раздражила, а всѣхъ заставила призадуматься надъ своей судьбою.

Къ Змѣиному урочищу можно было пробраться только со стороны лѣса, а кому необходимо было пройти по этой единственной тропѣ, тотъ долженъ былъ проходить мимо стараго дуба, на половину сгнившаго, съ засохшими вѣтвями, кое-гдѣ покрытаго зелеными листьями... Дубъ этотъ, равно какъ и урочище, считался священнымъ: оба были посвящены богамъ или духамъ матери-земли. У его подножія лежали груды ветхихъ и грязныхъ кусковъ полотна и сукна, съ которыми окрестные жители складывали у ногъ великана-дуба свои недуги и болѣзни.

Небольшой ключъ, бьющій вблизи, служилъ бѣднымъ для обмыванія болѣзни, полотно и сукно для обтиранія больного мѣста. Эти куски бросались больными подъ старый дубъ въ глубокомъ убѣжденіи, что съ ними вмѣстѣ уходятъ и болѣзни. Чтобы избавиться отъ недуга, нужно было посвятить его въ жертву богамъ. Стояли здѣсь также горшки и миски, наполненные покрытыми

плѣсенью какими-то веществами, куски янтаря, шнурокъ, смотанный въ странные узлы,—и все это было покрыто опавшей, полусгнившею, пропитанною влагою листвою.

Почти у самой верхушки въ стволѣ дуба видно было большое дупло, какъ-бы созданное для того, чтобы пчелы могли основать въ немъ свое царство. Но дупло пугало пчелъ своею сыростью и не заселялось: черная его пасть зѣла какъ-то страшно.

Зеленый мохъ и блѣдныя травы окружали дупло, украшая его точно бархатною каймою.

Еще дневной свѣтъ не успѣлъ разсѣять мрака ночи, когда въ сосѣдней гущѣ послышался какой-то шорохъ. Что-то чрезвычайно осторожно проскользнуло въ высокой травѣ, присѣло, прислушалось внимательно; когда-же это что-то убѣдилось, что въ лѣсу и на полянѣ господствовала полная тишина, изъ травы поднялся маленькій человѣчекъ, въ сермягѣ, съ коротко стриженными волосами. Человѣкъ этотъ наострилъ уши, открылъ ротъ и еще разъ прислушался ко всѣмъ звукамъ, раздающимся въ лѣсу. Затѣмъ, онъ обхватилъ дубъ обѣими руками, и, съ ловкостью дикаго звѣря, поднялся по стволу. Онъ иногда останавливался, оглядываясь по сторонамъ и снова лѣзъ выше. Это былъ Зносекъ.

Несмотря на шероховатую поверхность дуба, Зносекъ не могъ быстро карабкаться по его стволу. Онъ нѣсколько разъ скользилъ внизъ и только благодаря своимъ ногтямъ, которые вдавливались въ кору, не упалъ на землю. Это его нисколько ни смущало и онъ съ удвоенной энергіею снова карабкался вверхъ.

Зносекъ былъ ужъ почти у самого дупла, когда ему показалось, что послышался какой-то шорохъ во внутренности дупла. Оттуда выглянула сѣрая голова звѣря: длинные усы, бѣлые зубы, взъерошенная шерсть, желтые глаза дѣлали эту голову похожею на голову кошки... Звѣрь, замѣтивъ Зносека, грозно фыркнулъ, щелкнулъ челюстями и въ одинъ мигъ бросился ему на голову.

Визгъ и стонъ раздались въ одно время, звѣрь и человѣкъ упали на землю: трудно было отличить звѣря отъ человѣка; оба они образовали одинъ движущійся клубокъ. Звѣрь обнималъ человѣка, руки Зносека давили горло обитателя черного дупла. Кровь обильною струею потекла изъ этого клубка—двѣ человѣческія руки погрузились въ шерсть звѣря, сжали его за горло;

пасть разверзлась, кровью залились желтые глаза звѣря, тѣло его судорожно вздрагивало.

Зносекъ поднялся съ земли, обтирая окровавленное лицо рукою: лицо его было все исцарапано, голова носила слѣды острыхъ зубовъ дикаго звѣря. Онъ вздохнулъ, плюнулъ, провелъ рукою по своему израненному черепу, затѣмъ наклонился, поднялъ мертваго звѣря и нѣсколько разъ ударилъ имъ по дубовому стволу. Зносекъ опоясался своею добычею и снова оглядывался по сторонамъ, обтирая лицо рукавомъ. Израненная голова и искалѣченные руки не удержали Зносека отъ новой попытки добраться до дупла. Борьба съ дикимъ звѣремъ еще болѣе раздражала его, онъ снова началъ карабкаться вверхъ по стволу, неся съ собою задавленнаго врага. Послѣ долгихъ усилій ему удалось, наконецъ, ухватиться руками за край зіяющей ямы, онъ всунулъ въ нее обѣ руки, приподнялся и всѣмъ тѣломъ повисъ надъ ея отверстіемъ. Зносекъ посмотрѣлъ въ нее, убѣдился, что никакой новой бѣды съ нимъ не случится и, опустившись въ дупло, исчезъ въ немъ... Послышался шорохъ листьевъ на днѣ дупла; Зносекъ устраивалъ себѣ сидѣнье. Черезъ нѣсколько времени изъ дупла выглянула голова, рядомъ съ нею показались двѣ руки... Зносекъ открылъ свой широкій ротъ, показывая два ряда большихъ, бѣлыхъ зубовъ. Онъ стоналъ отъ боли, но въ то-же время смѣялся отъ радости, что ему удалось задуманное дѣло.

Въ лѣсу раздался шорохъ. Внимательно прислушиваясь, Зносекъ убѣдился, что шорохъ этотъ какъ-будто приближается къ нему. Онъ началъ царапать кору ногтями. Черезъ нѣсколько минутъ въ сдѣланномъ такимъ образомъ отверстіи показался глазъ Зносека, который рядомъ съ первымъ выпарапалъ второе отверстие и теперь оба его глаза, никѣмъ не видимые, могли осматривать дорогу, ведущую къ дубу и урочищу. Укрываясь въ дуплѣ, онъ могъ пересчитать всѣхъ идущихъ мимо дуба на урочище и разглядѣть лицо каждаго изъ нихъ.

Зносекъ вытаращилъ глаза въ сторону лѣса, откуда ожидалъ пріѣзда людей. Дѣйствительно, вскорѣ вѣтви раздвинулись и изъ лѣса, прямо напротивъ Зносека, выѣхалъ всадникъ, котораго сопровождали еще нѣсколько челоуѣкъ верхомъ. Онъ сидѣлъ на бѣлой, красивой лошади съ длинною гривой; лошадь была по-

крыта кожей и медленно подвигалась впередъ. Всадникъ, видно, далъ ей волю. Онъ задумался о чемъ-то; казалось, онъ пристально вглядывался во все окружающее, но также не трудно было замѣтить, что онъ ничего не видѣлъ, погруженный въ свои думы... Это былъ мужчина высокаго роста, съ длинною сѣдою бородою. Длинные волосы падали ему на плечи изъ-подъ колпака, сдѣланнаго изъ медвѣжьей пасти, зубы которой торчали надъ его лбомъ. Медвѣжьи челюсти и зубы, казалось, угрожали смертью каждому, кто подумалъ-бы приблизиться къ нимъ. Въ правой рукѣ всадникъ держалъ длинную, точно бѣлою лентою обвитую палку, на концѣ которой веревкою былъ привязанъ каменный топорикъ. На груди у него одѣтъ былъ панцырь, состоящій изъ нѣсколькихъ мѣдныхъ обручей, которые защищали грудь отъ вражескаго удара. Слѣдовавшіе за нимъ въ нѣкоторомъ отдаленіи всадники, по всей вѣроятности, были его слуги; они слѣдили за каждымъ движеніемъ своего господина, ожидая его приказаній. Одинъ только изъ спутниковъ стараго воина ѣхалъ рядомъ съ нимъ. Это былъ молодой мужчина, вооруженный такъ-же, какъ и старикъ.

Когда они подъѣхали къ дубу, старикъ остановилъ лошадей и, замѣтивъ, что урочище еще пусто, проговорилъ:

— Никого еще!

— Никого!—повторилъ, всматриваясь въ даль, молодой воинъ.

— Что-жъ, неужели они перепугались и не поѣхали на сборъ? Можетъ-ли это быть? Нѣтъ даже и тѣхъ, которые сзывали насъ; имъ-бы первымъ слѣдовало быть здѣсь.

Старикъ соскочилъ съ лошади.

— Возьмите лошадей,—обратился онъ къ слугамъ,—станьте здѣсь по близости и дожидайтесь! Ты, Мрочекъ,—обратился онъ къ своему молодому спутнику,—пойдешь со мною; прислушивайся, гляди въ оба и учись,

Молодой, ничего не отвѣчая, наклонилъ голову въ знакъ покорности. Въ эту минуту съ противоположной стороны подъѣхалъ Доманъ съ двумя работниками. Онъ тоже соскочилъ съ лошади у стараго дуба, передалъ ее слугамъ и подбѣжалъ къ старiku.

— Поздравляю тебя съ днемъ нашего вѣча,—проговорилъ онъ.

— Съ вѣчемъ, лишь-бы счастливымъ,—отвѣчалъ старикъ.—
А гдѣ-же Вишь?

Доманъ поднялъ вверхъ обѣ руки и указалъ старику на лазурное небо.

— Мы сожгли его тѣло, плакальщики уже оплакали его, теперь онъ пьетъ съ предками бѣлый медъ.

Старикъ всплеснулъ руками.

— Умеръ?—спросилъ онъ.

— Убили его,—отвѣчалъ Доманъ;—убили княжескіе слуги, которые напали на его хижину.

Старикъ опустилъ голову. Но вскорѣ поднялъ ее: въ глазахъ у него свѣтился гнѣвъ.

— Будемъ-же думать о нашихъ головахъ,—сказалъ онъ,—что съ нимъ случилось вчера, съ нами можетъ случиться завтра!

Тѣмъ временемъ съ разныхъ сторонъ изъ лѣса показывались на полянѣ всадники. Кметы собрались на вѣче. А между тѣмъ въ дуплѣ пара зоркихъ глазъ слѣдила за прибывающими кметами; Зносекъ очень удобно могъ разслышать все, что они говорили, такъ-какъ разговоры велись у самого дуба.

Прибывающіе поздравляли другъ-друга съ вѣчевымъ днемъ, но лица ихъ были печальны. Число ихъ увеличивалось каждою минутою: изъ трехъ вскорѣ стало ихъ десять, а тамъ сорокъ, наконецъ, собралось за сотню. Всѣ стояли еще подъ дубомъ, никто изъ нихъ не вошелъ на городище. Тѣмъ временемъ прибылъ Людекъ, сынъ Виша. Соскочивъ съ лошади, Людекъ поздравилъ собравшихся съ предстоящимъ вѣчемъ и бросилъ среди нихъ, не произнеся ни одного слова, окровавленное отцово платье и рубаху. Едва показалъ онъ старшинамъ окровавленное платье, руки у всѣхъ задрожали, на челахъ показались глубокія морщины—нѣмые свидѣтели внутренняго негодованія и желанія мести; кулаки сжимались.

Затѣмъ, раздались глухіе голоса, заявлялось требованіе мести. Понемногу, все увеличиваясь, неясный гулъ смѣнился громкими криками, среди которыхъ чаще другихъ повторялся призывъ къ мести. Доманъ молчалъ все время: онъ отошелъ въ сторону и не произнесъ ни одного слова. Старшины одинъ за другимъ перешли въ городище. Людекъ поднялъ съ земли Вишеву одежду, перебросилъ ее черезъ плечо и отправился за другими. Во главѣ шли сѣдовласые старики. Они заняли первыя мѣста подъ полу-

сгнившими балками ветхого сарая. Рядомъ съ ними садились на землѣ, складывая передъ собою оружіе, и всѣ другіе кметы, собравшіеся на зовъ покойнаго разсудить о своей судьбѣ. Стали подъѣзжать запоздавшіе, но многихъ еще не было. Разсѣвшись на землѣ широкимъ кругомъ, всѣ сидѣли молча... У иныхъ какъ-то странно блестѣли глаза.

— Нѣтъ ужъ болѣе того, который созвалъ насъ сюда, первымъ—началь старикъ Боимиръ,—но духъ его говоритъ каждому изъ насъ, зачѣмъ собрались мы здѣсь. Намъ нуженъ совѣтъ, общій, дружный совѣтъ, какъ намъ быть и что дѣлать, чтобы сохранить древніе, полянскіе обычаи, чтобъ насъ не превратили въ нѣмцевъ и невольниковъ, въ княжескихъ рабовъ. Вездѣ, гдѣ жива рѣчь наша, наше слово, у лужичанъ, дулебовъ, вильчей, хорватовъ, сербовъ—вплоть до Дуная и за Дунаемъ, до самого синяго моря,—князья приказываютъ на войнѣ, но дома, въ мирное время, народъ выбираетъ старшинъ, управляетъ, судить и раздѣляетъ землю. Народъ назначаетъ старостъ и тысяцкихъ, народъ печется о своей безопасности и порядкѣ... Хвостекъ вздумалъ заключить съ нѣмцами союзъ, со своего столба ему хочется повелѣвать нами,—нами, которые сами избирали его родъ для того только, чтобы онъ защищалъ насъ отъ врага. Виша убили именно за то, что онъ осмѣлился созывать вѣче!

Глухіе стоны огласили воздухъ, по всему собранію пробѣжалъ гулъ. Старики покачали головами.

Наконецъ, на правой сторонѣ всталъ черноволосый мужчина. До сихъ поръ онъ держалъ глаза опущенными внизъ, но теперь поднималъ ихъ, окинулъ ими собраніе, какъ-бы разыскивая въ немъ своихъ союзниковъ.

— Безъ князей,—сказалъ онъ,—намъ не обойтись; порядка не будетъ... Нападутъ нѣмцы на наши земли, а можетъ статься, и поморцы и вильчи, когда имъ голодно да холодно покажется у себя дома... А кто будетъ тогда защищать, кто станетъ приказывать, кто поведетъ дружину? Князь-ли, король-ли—зовите какъ хотите—нуженъ намъ... а подъ нимъ мы, хоть и равны ему, жупаны, кметы и владыки; а тамъ простой народъ... и наши невольники... Князь долженъ быть!

Въ собраніи раздалось нѣсколько недовольныхъ голосовъ, но ораторъ продолжалъ:

— Намъ какое дѣло, что онъ съ нѣмцами дружить, если этой дружбой онъ добьется мира.

Послышались недовольные голоса и, наконецъ, совсѣмъ заглушили слова оратора. Но, видно, сторонниковъ у того было не мало: послышались и одобрительные возгласы.

— Князь долженъ быть, говоришь ты,—крикнулъ Боимиръ,—пусть онъ и будетъ! Не въ этомъ дѣло. Никто не спорить, онъ нуженъ. Иначе мы не сѣмѣли-бы защищаться отъ нѣмцевъ. Они нападаютъ на насъ съ мечомъ въ рукахъ, съ угрозами и подкупами; оружіе у нихъ желѣзное и сила не малая. У нихъ есть князья, которые умѣютъ вести своихъ воиновъ, какъ работниковъ водить воловъ, запряженныхъ въ плугъ. Не устоятъ намъ однимъ противъ нихъ. Князья намъ нужны! Пусть ихъ будутъ! Но не Хвостки нужны намъ, не ихъ Попелевъ родъ, который успѣлъ забыть, кто они такіе и чѣмъ намъ обязаны.

— Не надо Хвостка!—кричали одни. Но были и недовольные словами Боимира. Многіе привстали и, глядя другъ-другу въ глаза, казалось, готовы были сильно доказать правоту своихъ убѣждений. Теперь уже не трудно было сосчитать, кто былъ за Хвостка, кто противъ него.

— Долой Хвостка!—кричали одни.—Прочь его.

Ихъ противники поднимали шумъ съ цѣлью заглушить эти крики.

За Боимиромъ сидѣли родъ Мѣшковъ, которыхъ ихъ знакомые звали Мышами и Мышками, потому-что они сильно расплодились и считали очень много мужчинъ въ своемъ родѣ. Они всѣ кричали въ одинъ голосъ:

— Долой его, долой Хвостка! Не о чѣмъ намъ разговаривать,—кричали они,—нужно прежде всего отправиться къ столбу и истребить этихъ гадовъ!

— Кричать не трудно,—отвѣчалъ одинъ изъ кметовъ,—но не такъ легко отдѣлаться отъ нихъ. Мы позволили Попелямъ разсѣсться удобно, расплодиться, вооружиться, снюхаться съ нѣмцами, тайкомъ брать нѣмокъ себѣ въ жены. Стоитъ имъ только позвать, и нѣмцы прибѣгутъ къ нимъ на помощь. А нѣмцы хуже Хвостка

раззорять нашу землю, людей уведуть съ собою и едѣлають насъ своими рабами. Лучше переносить мученія отъ руки своего, чѣмъ призывать чужого, который уничтожить наше племя, займетъ нашу землю, въ которой покоится прахъ отцовъ нашихъ. Вмѣсто того, чтобы нападать на Хвостка съ оружіемъ, лучше идти къ нему и въ глаза сказать ему все.

— Иди! Никто изъ тѣхъ, кто пойдетъ къ нему не вернется!— кричали Мышки, — всѣхъ, какъ собакъ, развѣшаютъ по стѣнамъ города. Нашихъ словъ онъ не станетъ слушать!

— Ну, а силы противъ него у насъ нѣтъ,—отвѣчалъ Руданъ.

— Была-бы воля, а силу найдемъ, замѣтилъ Пясть.

Одни стояли за Пяста, другіе за Рудана. Большая часть кметовъ, однако, не зная что дѣлать сидѣла молча, понутивъ головы.

— Что-же дѣлать?—спрашивали они другъ у друга.

— Переносить все до поры до времени,—отвѣчалъ Руданъ,— не вѣки вѣчные будетъ жить Хвостекъ, а сыновья, вѣрно, будутъ лучше его.

— Да, объ этомъ нѣмцы позаботятся — добавилъ чей-то голосъ.—И теперь ужъ приучаютъ ихъ истреблять своихъ, высылая ихъ охотиться за сербами.

— Чего-же ждать?—спросилъ другой,—чтобы насъ всѣхъ по очереди перевѣшали и перерѣзали, какъ стараго Виша, а дѣтей нашихъ обращали въ своихъ слугъ и землю нашу Смердамъ роздали... такъ, что-ли?

Каждый высказывалъ свое мнѣніе, и нельзя было опредѣлить за то или за другое рѣшеніе высказывается большинство. Говоръ не умолкалъ ни на минуту. Мышки кричали: „долой Хвостка!“ Руданъ и его друзья старались сдержать порывы Мышковыхъ.

— И знать не будемъ какъ нападутъ на насъ нѣмцы, поморяне и другіе,—говорили они,—а они страшнѣе Хвоста. Услышать, что мы деремся между собою, что головы у насъ нѣтъ... Ну, и нападутъ на насъ и землю опустошать. Давно уже они точатъ зубы на насъ! Мы люди спокойные, пашня да гусли—вотъ наше оружіе, а они кровью питаются и желѣзомъ воюють. Не трудно имъ побѣдить насъ. Они всѣ повинуются одной главѣ, а мы съ своимъ княземъ не можемъ жить въ ладахъ...

— Неправда,—сказалъ Воимиръ,—мы его избрали, слушались,

кормили его, терпимъ его неправду... онъ и сошелъ съ ума... Не буду рассказывать, потому-что вы всё знаете хорошо, какіе кровавые пиры задаетъ онъ въ городѣ, какъ онъ душитъ своихъ родныхъ; у многихъ кметовъ онъ отнял все ихъ достояніе, хаты, людей, женщинъ. Да. А куда-же дѣвалось наша старая свобода? Гдѣ наши древніе обычаи?

Мышки потряхивали топорами въ воздухъ и кричали:

— Что тутъ толковать! Нападёмъ на разбойничье гнѣздо и раззоримъ его...

— Пойдёмъ, пойдёмъ!—кричали многіе.

Нѣкоторые поднимались со своихъ мѣстъ, выражая этимъ свою готовность хоть сейчасъ-же отправиться въ походъ, но всетаки согласія не было: у князя было слишкомъ много сторонниковъ. Долго еще спорили на вѣчѣ; желающіе съ оружіемъ въ рукахъ напасть на Хвостка успѣли, наконецъ, переманить на свою сторону еще нѣсколькихъ кметовъ, бывшихъ на сторонѣ противной партіи. Мышки начали глазами считать своихъ, ихъ оказывалось большинство. Тогда друзья князя сочли нужнымъ держаться въ сторонѣ. Одинъ только Руданъ громко ратовалъ за Хвостка, но его сторонники притихли: они даже неохотно отвѣчали тѣмъ, которые подходили къ нимъ, желая ихъ убѣдить въ необходимости низверженія Хвостка. Въ общихъ преніяхъ княжескіе сторонники уже не принимали никакого участія...

Шумъ и говоръ не переставалъ ни на минуту. Сказать, что нужно идти съ оружіемъ противъ князя, не трудно, но нужно было хорошенько обдумать всё послѣдствія такого шага. Нужно было обсудить, когда отправиться въ походъ, узнать кто въ немъ приметъ участіе. Княжескій столбъ былъ сильно укрѣпленъ: вода съ одной стороны, а съ другой высокій валъ и частоколъ дѣлали его почти недоступнымъ. Притомъ, въ городѣ собрано было много людей, готовыхъ защищать княжеское гнѣздо. А нѣмцы? Князь могъ и нѣмцевъ призвать на помощь, а они съ радостью бросятся на кметовъ, и тогда, пожалуй, не останется въ живыхъ ни одинъ изъ Мышковъ и ихъ друзей!

Солнце поднялось высоко и клонилось къ закату: полдень давно уже прошелъ, а старшины все еще обсуждали, какъ имъ быть и что дѣлать. Долго совѣщались они, много говорили про-

тивники и сторонники князя, языки у нихъ пересохли, а они все еще не пришли ни къ какому результату. Иногда спорящіе гурьбою бросались съ одной стороны поляны на другую, толпясь около старшинъ, собиравшихъ голоса.

Наподалеку отъ городища челядь расположилась обозомъ; лошади щипали траву на лугу, у опушки лѣса. Молодые парни весело проводили время; смѣхъ и говоръ не переставали ни на минуту.

Пара зоркихъ глазъ, между тѣмъ, высматривала изъ отверстій стараго дуба, слѣдя за каждымъ движеніемъ собравшихся кметовъ. До ушей хитраго Зноска долетали голоса старшинъ.

Парни, сидѣвшіе на лугу, отъ нечего дѣлать внимательно осматривали окрестную мѣстность. Вдругъ одинъ изъ нихъ, толкнувъ своего товарища локтемъ, замѣтилъ ему:

— Зырунъ! Посмотри на старый дубъ.

— Что же тамъ особеннаго? Дупло черное.

— Развѣ не видишь? Два глаза свѣтятся въ корѣ... точно глаза дикой кошки?

— Не смотри на него! Этотъ дубъ священный... Кто знаетъ какой духъ сидитъ въ немъ и что можетъ сдѣлать взоръ его?

— Какой духъ! Это звѣрь или живой заколдованный человѣкъ... Духи днемъ не являются людямъ,—объяснилъ первый.

Парни обратили глаза на дубъ... Большинство изъ нихъ не на шутку испугалось злого духа.

— Дубъ этотъ священный. Человѣкъ не осмѣлился-бы забраться въ дупло.

— Нѣтъ, это звѣрь.

— Напугаемъ его!—сказалъ первый парень.—Глаза все еще на мѣстѣ. Я вижу ихъ.

Послѣ этихъ словъ онъ схватилъ лукъ, прицѣлился и стрѣла съ визгомъ пронзила воздухъ. Стрѣла ударилась съ большою силою въ то мѣсто, гдѣ свѣтился глазъ, поколебалась и исчезла. Вмѣстѣ съ нею скрылись и глаза. Парни притаили дыханіе...

— Одно изъ двухъ: звѣрь убить, или раненъ!—сказалъ Зырунъ.

— Хорошо-бы кожу съ него содрать,—замѣтилъ стрѣлявшій и пошелъ къ дубу.

— Постой, если ты его только ранилъ, то онъ будетъ защищаться,—сказалъ одинъ изъ его товарищей.

Ловкій стрѣлокъ принялъ во вниманіе это предостереженіе. Онъ схватилъ топоръ, привязалъ его къ кушаку и подбѣжалъ къ дубу. Товарищи смотрѣли съ любопытствомъ, дожидаясь развязки. Съ ловкостью кошки паренъ началъ взбираться по стволу къ дуплу. Онъ, однакожъ, опасался сразу войти въ зіяющее отверстіе: онъ нѣсколько разъ прикладывалъ ухо къ стволу—не слышалось ни шороха, ни звука. Тогда паренъ ухватился обѣими руками за большую вѣтвь, торчащую надъ дупломъ и повисъ на ней, заглядывая въ дупло, но ничего онъ не видѣлъ, хотя все ближе и ближе наклонялъ къ дуплу голову.

Въ самомъ низу, накрывшись убитымъ звѣремъ, которому вложилъ въ глазъ стрѣлу, лежалъ хитрый Зносекъ, набросивъ на себя сухихъ листьевъ. Онъ рукою прижималъ глазъ, изъ котораго обильною струею текла кровь, такъ-какъ стрѣла засѣла въ немъ чрезвычайно глубоко. Молодой паренъ въ увѣренности, что въ дуплѣ нѣтъ живого существа, всунувъ въ него руку. Немного погодя онъ вытащилъ дикую кошку, въ правомъ глазу которой торчала стрѣла. Онъ радостно вскрикнулъ и, потряхивая своею добычею, указалъ товарищамъ на плодъ своей ловкости... Парни не вѣрили своимъ глазамъ, они окружили дубъ со всѣхъ сторонъ. Ловкому охотнику и въ голову не пришло вторично засунуть руку въ дупло, гдѣ, затаивъ дыханіе, не шевелясь лежалъ полумертвый Зносекъ.

Съ дикою кошкою въ рукахъ, молодой паренъ сталъ спускаться по стволу и, добравшись до своихъ товарищей, бросилъ ее любопытнымъ, которые, передавая звѣря изъ рукъ въ руки, внимательно разсматривали его. Стрѣла такъ глубоко вонзилась въ глазъ кошки, что даже тотъ, который выпустилъ ее изъ лука, никакъ не могъ сообразить, откуда явилась у него такая сила. Тѣло звѣря было совсѣмъ холодно, языкъ высунутъ, пасть какъ бы силою разорванная. Все это было до того непонятно, что какой-то шутникъ началъ доказывать, что стрѣлокъ просто-напросто попалъ въ мертваго уже звѣря.

Начался споръ и спорящіе подняли такой шумъ, что на нихъ невольно обратили вниманіе на городищѣ. Кметы посмотрѣли въ

сторону дуба: парни издали показали имъ убитого звѣря. Младшіе кметы приближали къ нимъ съ разспросами, и одинъ изъ нихъ, схвативъ кошку, понесъ ее на городищѣ.

— Вотъ боги ворожбу учинили!—вскричалъ онъ,—кошка сидѣла въ дуплѣ, одинъ изъ парней увидѣвъ лишь одинъ глазъ ея, съумѣлъ убить ее. Такъ точно и Хвостекъ сидитъ въ каменной ямѣ... и наша стрѣла попадетъ въ него! Боги предсказываютъ намъ побѣду. Долой Хвостка!

Сторонники Жышковъ громче прежняго закричали:

— Лада! Коляда! Лада!

И отъ радости начали бить въ ладоши.

Другіе кметы молчали, не принимая никакого участія въ общемъ восторгѣ. Изнуренные долгимъ совѣщаніемъ кметы выбились изъ силъ. Какъ-разъ въ эту минуту на опушкѣ лѣса показалась высокая фигура стараго Слована, котораго велъ за руку мальчикъ, прямо по направленію къ городищу.

— Слованъ! Иди сюда!—звали кметы.—Къ намъ съ пѣснями... по старинному обычаю...

Старикъ остановился, прислушиваясь къ раздававшимся вдали отъ него призывамъ. По знакомымъ ему голосамъ онъ угадалъ, что приближается къ городищу. Всѣ обрадовались старику, его желтые отъ старости волосы ободрили многихъ; старикъ напомнилъ имъ собою давво минувшія времена и дѣянія.

— Будь здоровъ, старый Слованъ!

Слованъ молча приближался къ городищу, точно помня мѣстность и зная всѣ закоулки ея; онъ прошелъ вдоль насыпи и, войдя на городище, сѣлъ на землѣ. Гусли покоились у него на колѣнахъ: старикъ задумался. Онъ не проговорилъ еще ни одного слова.

— Опоздалъ я, опоздалъ,—началъ онъ послѣ нѣкотораго молчанія какимъ-то заунывнымъ, пѣвучимъ голосомъ,—старыя ноги не служатъ уже какъ прежде, дороги стали для меня длиннѣе... А какое было-бы у васъ вѣче безъ стараго пѣвца? А какой былъ-бы у васъ совѣтъ, если-бы вы не вспомнили, какъ въ старину собирались, какъ въ старину совѣщались?... Орлы только летаютъ шибко по высямъ... а улитка ползетъ тихонько.

Старикъ ударилъ по струнамъ... Гусли зазвучали затрогивающими душу звуками... Всѣ молчали... Слованъ началъ пѣть:

— Когда не стало племени Леха, не стало, захотѣлось кметамъ свободы, захотѣлось... Захотѣлось имъ безкняжьей свободы. Избрали они двѣнадцать старшихъ... Кровь, вѣдь, это отъ нашей-же крови, кость отъ нашей-же кости... Родные наши братья земляки, пусть-же они нами правятъ; пусть-же заведутъ у насъ порядокъ... О, Лада! Пускай землю сдѣлаютъ счастливою... О, Лада!

„Избрали ихъ, избрали двѣнадцать!... Радовались имъ, радовались не долго! Скоро братъ брату сталъ слугою. Не хотѣли одного, одного не хотѣли... двѣнадцать ихъ избрали и вотъ вамъ!... Двѣнадцать... о, Лада, о, Лада!...

„Одинъ радъ былъ что можетъ, что можетъ... пить сколько въ горло влѣзетъ, ой, влѣзетъ... А напившись, ни во что не ставилъ своего народа... Другой собиралъ у себя въ избѣ все, что у другихъ отнималъ изо рта... Третій ѣздилъ и ѣздилъ по людямъ, высматривалъ, гдѣ есть дѣвки, гдѣ есть дѣвки и бралъ у нихъ дочерей, точно медъ изъ бортей... О, Лада! О, Лада!...

„И такъ были они довольны своими двѣнадцатью вождями, что послали за море за поклономъ... Ой, послали, ища воина, который одинъ княжилъ-бы надъ ними... Кракъ, господинъ нашъ и князь, звали они, иди съ нами въ нашу землю и управляй ты нами. И согнали всѣхъ своихъ двѣнадцать... и у столба остался лишь одинъ!... И старшины стали снова кметами... И слушались одного Крака... Ой, Лада Ой, Лада!...

Когда пѣсня кончались, многіе посматривали на старика, недоумѣвая, какое имѣла она значеніе.

— Такъ вотъ и ты, Слованъ, тоже полюбилъ Хвостка,—проговорилъ одинъ изъ кметовъ, желая добиться какого-нибудь объясненія.

— Полюбилъ?—переспросилъ старикъ, наклоняя голову.

Струны снова зазвенѣли, и Слованъ началъ пѣть тѣмъ-же печальнымъ голосомъ.

— Сидитъ Хвостекъ у столба... И смотритъ онъ изъ своего столба вокругъ себя... Хорошій князь!.. Гдѣ дымъ идетъ изъ свѣтлицы, гдѣ поля зеленѣютъ, гдѣ ржатъ стада, гдѣ меду вдоволь видить его глазъ, а рука беретъ... Хорошій князь! Сидитъ Хвостекъ...

издали смотреть и прислушивается: кметы-ли ропщутъ, собаки-ли воютъ? Высылаетъ онъ дружину... Молчать, смирно! Или веревка ждетъ недовольныхъ, да сухая вѣтвь... Хорошій князь!.. Господинъ онъ веселый, властелинъ онъ добрый... Радъ онъ гостямъ, созываетъ на пиръ... радъ угостить, и накормить, и напоить... Да такъ онъ всѣхъ ихъ накормить, что на вѣки вѣчные сыты будутъ... А слуги въ озеро отнесутъ гостей... Хорошій князь!... И сидитъ онъ у столба... Слышите-ли, какъ онъ хохочетъ? Какъ далеко расходится дикій его хохотъ... Пустѣетъ лѣсъ густой отъ этого смѣха... а въ селахъ люди блѣднѣютъ отъ страха... Хорошій князь!... Съ нѣмцемъ онъ поцѣлуется, нѣмецъ дастъ ему дѣвку бѣлую... А вы, кметы, должны молчать, потому-что нѣмецъ дастъ ему свои мечи и всѣхъ недовольныхъ онъ изрубитъ... Хорошій князь, хорошій князь!...

Кметы хоромъ повторили припѣвъ Слована: „хорошій князь“: Обѣ его пѣсни смутили одинаково и Мышковъ, и ихъ противниковъ. Слованъ умолкъ, понурилъ голову и, подпершись о землю рукою, отказывался болѣе пѣть.

Понемногу кметы начали шептаться, потомъ стали говорить громче, и снова шумъ и крикъ стояли надъ городищемъ.

Солнце, все ниже опускаясь, съ каждою минутою готовилось укрыться за лѣсомъ, а старшины, замѣтивъ, что вѣчу видно не суждено придти къ какому нибудь рѣшенію, по нѣскольку чело-вѣкъ размѣстились по городищу, сѣли на землѣ, каждый въ своемъ обществѣ и принялись за принесенное съ собою кушанье: одинъ принесъ холодное мясо, другой калачи, всѣ имѣли съ собой деревянные и глиняные сосуды, въ которыхъ были медъ, квасъ или пиво.

Мышки пригласили къ себѣ Слована и первую чарку меда поднесли пѣвцу.

— Пусть будетъ по старинному обычаю,—сказалъ онъ;—первая чарка богамъ... Лада!

И онъ вылилъ напитокъ на землю. Затѣмъ, онъ вылилъ нѣсколько капель для добрыхъ и злыхъ духовъ городища, для бѣлыхъ и черныхъ, чтобы они не мѣшали имъ спокойно отдыхать; наконецъ вылилъ онъ еще нѣсколько капель для душъ отцовъ, которые, невидимые для глазъ, присутствовали на городищѣ...

Въ это-же время каждая группа ставила на землѣ маленькія чашечки, въ которыхъ лежалъ бѣлый хлѣбъ, предназначенный въ жертву богамъ. Затѣмъ всѣ молча принялись за ѣду.

Старый Слованъ ѣлъ очень мало; онъ выпилъ немного меду и снова запѣлъ пѣсню, но болѣе веселую, чѣмъ двѣ первыя. Едва услышали кметы первыя слова хорошо знакомой имъ пѣсни, какъ всѣ хоромъ, даже парни на лугу, стали пѣть ее.

Между тѣмъ, солнце опускалось все ниже и ниже. Слованъ запѣлъ новую пѣсню, затѣмъ другую, третью; всѣ онѣ были удивительно похожи одна на другую. Кметы вторили ему: они всѣ пѣсни знали наизусть. Наконецъ, Слованъ запѣлъ одинъ. Онъ пѣлъ пѣсню о живущихъ на берегахъ Дуная, гдѣ растутъ виноградники, гдѣ львы гуляютъ по лѣсамъ, гдѣ есть драконы и змѣи, гдѣ морскія волны разбиваются о скалистые берега, а солнце сильно пригрѣваетъ. Эта пѣсня очень понравилась кметамъ.

Ночь наступила, и окончилось вѣче. Старшины встали, простились другъ съ другомъ. Всѣ были мрачны, всѣ вздыхали. Впрочемъ, кто знаетъ? Можетъ быть, они задумывали о созваніи новаго вѣча.

Кметы начали расходиться каждый въ свою сторону. Вскорѣ городище опустѣло: не осталось на немъ ни одной живой души. Вечерній вѣтерокъ шелестилъ сухими вѣтвями стараго дуба, вдали, на болотахъ уныло кричали птицы. Звѣзды одна за другою показывались на небѣ. Вѣтерокъ съ луговъ тихо пробѣгалъ къ рѣкѣ.

Воцарилась мертвая тишина.

Вдругъ въ дуплѣ что-то шелохнулось, двѣ руки ухватились за ея край, и скорѣ показалось въ ней окровавленное лицо Зносека. Обнявъ руками и ногами стволъ дуба, онъ соскользнулъ на землю. Онъ упалъ точно мертвый. Долго лежалъ Зносекъ на землѣ, расправляя свои уставшіе члены. Хитрый человѣчекъ сильно страдалъ; онъ стоналъ, точно испускалъ послѣднее дыханіе.

Въ лѣсу слышалось ломаніе вѣтвей и шелестъ листьевъ. Зносекъ вздрогнулъ. Бѣжать было поздно. Онъ узналъ своего новаго врага по его тяжелой походкѣ. Зносекъ притворился мертвымъ. Изъ лѣса, едва передвигая ноги, вышелъ медвѣдь. Онъ водилъ носомъ по землѣ, какъ бы ища чего-то. До ушей Зносека

доходило его сопѣніе и хриплые звуки. Медвѣдь направилъ свои желтые; свѣтящіеся въ темнотѣ глаза на Зносека, который не шевелился и не дышалъ. Медвѣдь подошелъ къ нему и точно собака началъ обнюхивать его со всѣхъ сторонъ... Онъ дотронулся до него лапою и отошелъ прочь. Зносекъ видѣлъ, какъ опасный его врагъ медленно подвигался къ полямъ, по-временамъ онъ садился на землѣ, лизалъ свою лапу и снова шелъ дальше за добычею или, можетъ быть, отыскивая своего друга, безъ котораго ему стало скучно...

Зносекъ, замѣтивъ, что медвѣдь уже далеко ушелъ отъ дуба, всталъ и стремглавъ бросился бѣжать въ лѣсъ.

XI.

Чудное весеннее утро.

Весна успѣла уже прикраситься всѣми дарами природы. Лѣсные дубы покрылись зелеными листьями, пахучія березы потряхивали своими длинными сережками, у подножія деревьевъ, гдѣ только успѣло заглянуть солнце, цвѣточки поднимали къ нему свои пестрыя головки. На каждой вѣткѣ сидѣла птичка, оглашая воздухъ веселымъ чириканьемъ, въ каждомъ солнечномъ лучѣ повисла золотая мушка.

Весь міръ, все, что одарено жизнью — вода, лѣсъ, птицы и звѣри, и золотыя мушки и серебряныя рыбки—все въ эту счастливую минуту жило дружною, согласною жизнью... Ручей журчалъ какою-то нѣжною, понятною рѣчью. Птицы пѣли пѣсни для людей, дикій звѣрь и тотъ иногда заводилъ дружбу съ человекомъ, чтобы ему услужить... Полное согласіе царствовало въ этомъ чудномъ мірѣ, въ которомъ всѣ части образовали такое гармоническое цѣлое. Даже смерть приходила къ людямъ съ улыбкою будущаго блаженства — она приходила всегда въ свое время, не раньше и не позже назначеннаго природою конца человѣческой жизни, чтобы провести земного жителя на вѣчный пиръ къ его отцамъ.

Двѣ корзины, полныя грибовъ, стояли на землѣ; двѣ молодые дѣвушки сидѣли подлѣ нихъ, обнявшись; онѣ отдыхали. Это

были Дива и ея сестра. Дива задумалась, устремивъ пристальный взглядъ въ глубь лѣса.

— Къ чему ты прислушиваешься?—спросила у нея сестра.

— Сорока мнѣ говорить что-то... Ты ее слышишь? Она спрашиваетъ насъ, много-ли мы набрали грибовъ? Она говоритъ, что на урочищѣ грибовъ много. Хочетъ насъ проводить домой.

Дива замолкла на минуту...

— Говорить она еще,—продолжала молодая дѣвушка,—что къ намъ прѣдутъ свататься... Женихъ — красавецъ прѣдетъ и къ тебѣ...

— Ко мнѣ, Дива?

— Да, къ тебѣ, Живя, я не могу принимать сватовъ... Я всегда буду носить вѣнокъ, всегда... и въ немъ, въ зеленомъ вѣнкѣ, отойду къ отцу и къ матери...

Сорока, дѣйствительно, сидѣла на вѣткѣ и стрекотала. Вдругъ изъ лѣса вылетѣлъ ястребъ съ распростертыми крыльями: онъ высоко леталъ надъ лугомъ, высматривая добычу внизу на землѣ. Сорока, замѣтивъ его, крикнула, какъ-бы призывая на помощь своихъ товарокъ. Изъ кустовъ послѣдовали отвѣтные возгласы, сороки слетѣлись толпами съ разныхъ сторонъ и подняли невыразимый крикъ; собравшись, онѣ толпою ударили на ястреба. Хищная птица опускалась все ниже и ниже; стая сорокъ опустилась за нею. Желая обмануть своихъ преслѣдовательницъ, ястребъ поднялся къ облакамъ,—сороки за нимъ... Наконецъ, онъ какъ стрѣла опустился внизъ, стая сорокъ тоже спустилась и напала на него. Посыпались перья. Послѣ непродолжительной борьбы ястребъ полетѣлъ въ лѣсъ, сороки пустились за нимъ въ догонку.

Дива вздохнула.

Гдѣ-то вдали отозвалась кукушка... разъ, другой... и замолкла. Сестры задумали, когда Живя выйдетъ замужъ?

— Кукуй намъ, кукушка,—говорили онѣ.

Куку-куку-куку—три раза раздалось въ лѣсу... Какъ знать: три года, или три мѣсяца?

Живя, смѣясь, спросила о судьбѣ Дивы. Кукушка подлетѣла къ нимъ ближе, крикнула какъ-то странно, но ворожить не захотѣла. Дѣвушки узнали ее только по перьямъ.

Сестры молчали, задумавшись о томъ, что ждетъ ихъ впереди:

радость, или лютое горе? Живя начала собирать цвѣты, желая свить вѣнокъ для сестры. Но подъ руку ей все наворачивались какіе-то нехорошіе цвѣты, корешки безпрестанно рвались, и ей никакъ не удавалось свить вѣнка.

Дива и Живя сидѣли недалеко отъ своего дома, а потому считали себя вполне безопасными и отъ звѣря, и отъ врага. На слѣдующій день онѣ собирались на праздникъ Купалы, къ огнямъ... Живя радовалась этому; Дивѣ не хотѣлось идти вмѣстѣ съ другими; ей было какъ-то не по себѣ.

Среди царствующей тишины, въ которой слышно было жужжаніе мухъ и пчелъ, вдругъ въ лѣсу раздался шумъ. Молодые дѣвушки посмотрѣли одна на другую.

— Не Людекъ-ли это отправился на охоту? Не его-ли это собаки лаютъ въ лѣсу?—спросила Живя.

— Нѣтъ, Людекъ дома,—отвѣчала Дива,—онъ ходитъ около скота.

Дива и Живя торопливо побѣжали въ лѣсъ, захвативъ съ собою корзины. Но внезапно все зитихло: не слышалось болѣе ни голосовъ людей, ни лая собакъ.

Живя выглянула изъ чащи и прислушалась. Все тихо. Дятель гдѣ-то долбитъ дерево... и только...

Сестры вернулись на прежнее мѣсто. Солнце такъ хорошо здѣсь пригрѣвало. Вдали послышалось пѣніе. Кто-то охрипшимъ голосомъ пѣлъ тоскливую пѣснь.

— Это Яруха,—проговорила Дива.

— Куда бредетъ она этимъ путемъ?

Изъ лѣсной опушки вышла на поляну старая баба, съ палкою въ рукахъ и съ горшкомъ, привязаннымъ къ кушаку, на плечахъ у нея висѣлъ мѣшокъ; голова была покрыта какою-то грязною тряпкою. Старуха приложила руку ко лбу и посмотрѣла въ ту сторону, гдѣ сидѣли Дива и Живя. Увидя ихъ, она подняла палку вверхъ и крикнула имъ:

— Съ добрымъ утромъ!

— Куда бредешь, Яруха?—спросила Живя.

Старуха направилась къ нимъ.

— Куда-же идти теперь, если не на Купалу? Завтра Купала! Царни напьются, ошалѣютъ; можетъ быть, который-нибудь изъ

нихъ подумаетъ, что я еще молодая дѣвка и поцѣлуетъ меня. Го, го!..

Яруха весело подпрыгивала; подойдя-же къ двумъ сестрамъ, сѣла около нихъ на землю.

— Не хотите-ли, я предскажу вамъ будущее, а?—спросила она. Сестры молчали. Баба посмотрѣла на нихъ пристально.

— По такимъ личикамъ, какъ ваши, не трудно предсказывать будущее,—сказала она, смѣясь и оскаливая остатки своихъ зубовъ,—красивыя у васъ личики, цвѣтутъ словно лиліи. И у меня когда-то были такія-же румяныя и бѣлыя щеки. Солнце обожгло лиліи, дожди смыли красу... не дожди это были, а слезы, горькія слезы!

Старуха покачала головою. Она протянула свою костлявую руку къ Дивѣ.

— Дай-ка руку, погадаю!

Дива неохотно протянула ей руку. Яруха со вниманіемъ начала разсматривать ея ладонь.

— Бѣлая ладонь у тебя, мозолей нѣтъ на ней... ой, бѣда съ такою рукою... тысяча парней захочетъ имѣть ее... а краса-дѣвка ни одного не захочетъ.

Она все пристальнѣе вглядывалась въ руку Дивы.

— Пойдешь завтра на Купалу?

— Пойду,—отвѣчала Дива.

— Не ходи, ой, не ходи! Говорю тебѣ, лучше не ходи... А пойдешь, кровь прольется.

Дива поблѣднѣла.

— Яруха,—проговорила она,—зачѣмъ ты меня пугаешь. Ты знаешь вѣдь, что дома я не могу остаться. Ты сама не знаешь, что толкуешь.

— Не я, такъ другой знаетъ, что говорить?—отвѣчала Яруха.— Онъ нашептываетъ мнѣ въ уши и ворочаетъ мой языкъ. Развѣ я знаю, кто это и что онъ заставляетъ говорить? Хотя-бы и хотѣла я закрыть ротъ и молчать, такъ нѣтъ, кто-то мучитъ меня и заставляетъ говорить. Мнѣ все мерещится, что ходитъ кто-то передъ глазами... за сердце меня хватаетъ. Вотъ баба и городитъ, сама не зная что... а должна говорить!.. Не ходи на Купалу.

Дива засмѣялась.

— А я не совѣтовала-бы тебѣ идти туда, Яруха! Ты вѣдь знаешь, какъ надъ тобою всё смѣются.

— Этого я не боюсь,—отвѣчала старуха.—Когда огни погаснутъ, когда ночь наступить... Э! э! кто-нибудь подѣлуетъ меня, прижметъ къ груди... вспомню молодые годы...

— А что-же ты дѣлала въ молодые годы?—спросила Живя.

— Я-то? Я? Развѣ ты не знаешь?—переспросила Яруха. Э! э! королевичъ увезъ меня... повелъ къ себѣ, въ свои чертоги, а стѣны тамъ были золотыя... Въ саду росла яблоня и давала яблоки душистыя... У ея подножія протекалъ животворящій ручей... Я семь лѣтъ была королевою... семь лѣтъ пѣла я пѣсни, семь лѣтъ сплетала я и расплетала косы... слугъ у меня было много... А дотомъ вдругъ темно стало... я очутилась въ грязныхъ тряпкахъ, съ палкою въ рукахъ, въ лѣсной глуши... Вороны стучали клювами по моей головушкѣ, глазъ искали...

Яруха замолкла. Немного погодя она прибавила:

— А ты, Дива, не ходи на Купалу!..

Дива улыбнулась; Живя подала ей свою руку. Яруха смотрѣла на нихъ и качала головою.

— Родныя двѣ ручки, сестры-ручки,—бормотала старуха,—а судьбы ихъ разныя... Гдѣ одной до другой?!..

— А которою изъ насъ двоихъ хотѣла-бы ты быть?—спросила Живя.

— Ни той, ни другою,—смѣясь, отвѣчала Яруха,—снова жить, снова плакать, снова пользоваться молодостью, чтобы ее потерять!.. О, нѣтъ, нѣтъ... Ни бѣлой, ни черной не хочу я судьбы... нѣтъ!.. Лучше чарочку меда, а потомъ сладкій сонъ, золотой сонъ, а тамъ хоть-бы и не проснуться. Въ чаркѣ меда столько счастья, сколько его уже нѣтъ на всей землѣ... А ты не ходи на Купалу!

Красавицы начали смѣяться надъ полоумною старухою. Она смѣялась вмѣстѣ съ ними.

Яруха снова взяла руку Дивы въ свои руки и всматривалась въ нее.

— Полюбилъ онъ тебя страстно!—начала она.

— Кто?

— Не знаю! Красивый парень, молодой, богатый... Эй, не ходи на Купалу!

— Но съ нами будутъ братья и вся семья. Что-же намъ могутъ сдѣлать?—воскликнула Живя.

— Развѣ я знаю! Въ такой день чудеса творятся! Иногда братья подерутся, иногда чужіе люди полюбятъ другъ друга... Да, въ день Купалы чудеса творятся!.. Ой, жаль, что только разъ въ году такая ночь бываетъ! Ой, ой... я бы цѣлый годъ пѣсни пѣла, медъ пила и прыгала черезъ огонь...

Яруха развязала свой мѣшокъ и начала въ немъ шарить. Тамъ были пучки разнаго зелья, связанные тряпками, камешки, сѣмяна и корешки. Старуха умѣла лѣчить, она заговаривала разные болѣзни, вязала ихъ, развязывала... Въ эту минуту, однако, она искала не лѣкарствъ. Въ мѣшкѣ былъ у нея кусокъ сухого калача, весь покрытый пылью; она вынула его, осмотрѣла, вычистила немного, взяла изъ корзины сыроѣшку и стала ѣсть.

Дива придвинула къ ней свою корзину. Старуха съ жадностью глотала одинъ грибъ за другимъ.

— Зайди къ намъ въ хижину, дадимъ тебѣ чего-нибудь горячаго...

— Не могу,—пробормотала старуха,—ноги болятъ, а поле, гдѣ будутъ горѣть наши огни, далеко... Днемъ еще бѣды нѣтъ, но идти ночью и встрѣтиться съ голоднымъ волкомъ или оборотнемъ—бррр!..

Она покачала головою.

— А тамъ, гдѣ соберутся молодые парни,—продолжала Яруха,—я должна быть... Разъ въ годъ только я становлюсь молодою... Ой, долго ждать, долго ждать...

Старуха запѣла какую-то пѣсню. Наѣвшись до-сыта и выбравъ всѣ сыроѣшки изъ корзины, Яруха отерла ротъ рукою и улыбулась.

— По вашей милости я подкрѣпила свои силы...

Вдругъ Яруха начала тревожно оглядываться по сторонамъ.

— Тутъ чужой! Я слышу чужого!

Точно звѣрь она вдыхала въ себя воздухъ и водила глазами вокругъ себя. Дѣйствительно, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ нихъ

стоялъ Зносекъ, съ окровавленнымъ лицомъ. Дѣвушки встали и хотѣли бѣжать;—Яруха посмотрѣла на Зносека.

— Э!—сказала она,—нечего вамъ бояться. Знакомый человѣкъ. Должно быть, порядкомъ напился медку и ему захотѣлось скитаться по лѣсу; вѣтъ выколола ему глазъ, и онъ окровавилъ себѣ голову!

— Яруха!—крикнулъ Зносекъ, не двигаясь съ мѣста,—спаси меня, дай зелье!

Дива и Живя, увидя израненное лицо Зносека, вмѣсто того, чтобы бѣжать отъ него, остановились за деревомъ, у котораго сидѣла Яруха.

— Иди-ка сюда! Посмотримъ!—позвала его старуха.

Зносекъ, закрывая глазъ или, вѣришь, то мѣсто, откуда выплылъ его глазъ, едва добрелъ до дерева и упалъ на землю.

Яруха осмотрѣла его голову.

— Зачѣмъ тебѣ понадобилось цѣловаться съ дикою кошкою?—спросила она.—Зачѣмъ тебѣ было заводить съ нею дружбу?

Она положила его голову къ себѣ на колѣни и открыла ему глазъ.

— А глазъ?... Э, братъ, стрѣла въ глазъ попала!—воскликнула Яруха.—Куда ты ходилъ пировать? Хорошо-же тебя угостили, хорошо! Будешь всю жизнь свою помнить...

Старуха какъ-то странно хохотала и начала рыться въ своемъ мѣшкѣ.

Живя, сжалившись надъ страдающимъ человѣкомъ, оторвала кусокъ своего передника и передала его старухѣ. Яруха взяла кусокъ полотна, сорвала какую-то траву, но не торопилась обвязывать рану Зносеку, скрежетавшему зубами отъ боли.

— Конечно, и хромого волка, если онъ проситъ слѣдуетъ спасти, — проговорила она. — Но ты, Зносекъ, и того не стоишь: немало ты уморилъ людей... Кто знаетъ, можетъ статься, кости дикой кошки исправятъ тебя... Сообрази только хорошенько, парень, да возьми меня себѣ въ жены, мы отправимся вмѣстѣ къ аистово гнѣздо и будемъ хозяйничать. Ты будешь мнѣ приносить зеленыхъ лягушекъ, а я буду тебѣ пѣсни пѣть...

Яруха смѣялась и обкладывала ему голову листьями и травою; затѣмъ обвязала ее бѣлымъ полотномъ.

— Говори-же, гдѣ ты былъ? Чѣмъ передъ тобою кошка провинилась?

Зносекъ, вмѣсто отвѣта, зашипѣлъ отъ боли.

— А глазъ мой какъ?—спросилъ Зносекъ.

— И не думай о немъ... потому-что его нѣтъ, — сказала Яруха, — а новый глазъ не легко вставить... Отъ животворящей воды вырастаетъ, это правда, но гдѣ-же эта вода. Змѣя сидитъ у ключа... драконъ летаетъ надъ нимъ... семь годовъ нужно идти къ нему... а семь еще подъ гору взбираться...

Живя, замѣтивъ, что старуха своими дрожащими руками не можетъ справиться съ полотномъ, которымъ она хотѣла повязать голову Зносеку, подошла къ нимъ, наклонилась и ловко завязала полотно. Зносекъ поднялъ на нее единственный свой глазъ, но въ немъ было больше гнѣва и безсильной злобы, чѣмъ благодарности за ея состраданіе.

— Я какънибудь справлюсь съ твоей болью, — проговорила Яруха, — но раньше ты долженъ признаться, гдѣ ты былъ... Нечего толковать, что тотъ, кто у князя можетъ спокойно сидѣть подъ столомъ и спать на славу, ни съ того ни съ сего не поидетъ въ лѣсъ.

Едва услышали красавицы, что Яруха заговорила о князѣ, онѣ стремительно убѣжали; достаточно было одного этого слова, чтобы напугать ихъ порядкомъ. Взявъ съ земли свои корзины, Дива и Живя исчезли въ лѣсу. Старуха посмотрѣла имъ въ слѣдъ и обратилась къ Зносеку:

— Ну, теперь скажи, гдѣ это тебя поцарапали?

— Я бродилъ по лѣсу... увидѣлъ дупло...

— Медку захотѣлось... а?

— Дикая кошка сидѣла въ немъ...

— А кто-же стрѣлу пустилъ въ твой глазъ?

Эти слова привели Зносека въ бѣшенство: онъ поднялъ обѣ руки вверхъ, угрожая своими кулаками.

— Не прощу я имъ этого, нѣтъ... никогда, — кричалъ онъ. — Одному изъ нихъ выколю глаза... Князь вступится за меня... Князь отомститъ за меня...

— О, братъ, тебѣ, вѣрно, захотѣлось побывать на вѣчѣ, — смѣясь сказала старуха. — Теперь я все знаю! Неподалеку стоитъ

тамъ старый дубъ... ты и полѣзъ въ дупло... хотѣлось подслушать... и вотъ гдѣ стрѣла кмета нашла твой глазъ...

Зносекъ не думалъ ни признаваться, ни отпѣкиваться; онъ опустилъ голову и скрежеталъ зубами отъ боли и злости.

— А какой черненькій глазокъ былъ у тебя! — сказала старуха. — Жалы!... Скажи по истинѣ, былъ-ли ты молодъ когда нибудь, или родился уже старикомъ?

Старуха поднялась съ земли.

— Заговори мою боль, — прошипѣлъ Зносекъ.

— Не могу... не могу, — отвѣчала старуха, — только послѣ Купалы можно заговаривать. Къ тому-же, кошачьи когти и стрѣла человѣка! Сколько тутъ зелья понадобится... и глазъ!... О! о! Хотя-бы ты мнѣ давалъ и сама не знаю какъ много за мой трудъ, все-же еще остался-бы въ долгу у меня... И если-бы мнѣ удалось освободить тебя отъ боли, я сама должна-бы принять ее на себя, потому-что здѣсь нѣтъ ни ключа, ни камня, ни дерева, на которыхъ можно-бы ее оставить... а мнѣ нужно на Купалу... на Купалу...

Старуха, не дожидаясь отвѣта Зносека, запѣла пѣсню о Купалѣ и, не обращая никакого вниманія на израненаго, одноглазого, страдальца, побрела въ лѣсъ... Зносекъ положилъ голову на траву и уснулъ.

ХІІ.

Вотъ и Купала — праздникъ всего языческаго міра, день Бѣль-бога, бога дня и свѣта, въ честь котораго зажигались огни и по берегамъ Адриатики, Балта, Дуная, и по Лабѣ, Вислѣ, Днѣстру, Ронѣ и Сенѣ. Поклоняясь этому Бѣль-богу, Белю, народы двигались съ востока на западъ, покидывали райскую колыбель для холодныхъ странъ новаго отечества.

День — самый длинный въ году, ночь — самая короткая; праздникъ Купалы былъ общею радостью, общимъ весельемъ; пѣніе, танцы, праздничные обряды, словно спѣша, смѣняли другъ друга.

И сюда также, къ священной горѣ надъ озеромъ, конечно явля путешествія многихъ въ Купаловъ день, стекались, задолго

до солнечнаго восхода, толпы людей, украшенныхъ вѣнками, живыми растеніями, перепоясанныхъ чернобыльникомъ. Среди нихъ, тамъ и сямъ, живописно бѣлѣли сѣдые головы народныхъ пѣвцовъ.

Гора, отлогой покатою, спускалась къ самому озеру. Съ вершиной, увѣчанной коренастыми дубами и изрѣдка разбросанными березами, она представлялась возвышеннымъ центромъ дремучаго лѣса, который чѣмъ дальше, тѣмъ становился гуще, сливаясь въ синеватой дали съ непроходимыми дебрями, покрывавшими въ тѣ времена почти сплошь эту мѣстность.

Съ ранняго утра молодые парни таскали на гору зеленыя вѣтви, свѣже-нащипанные лучины и только-чтосрубленные стволы; употребленіе высохшаго, лишеннаго жизни дерева, какъ для постройки жилья, такъ равно и для устройства священныхъ костровъ, было воспрещено. Изъ засохшихъ вѣтвей допускались лишь тѣ, которыя были отломлены непосредственно отъ живыхъ деревьевъ; въ упавшихъ, валявшихся на землѣ, предполагалось присутствіе смерти.

Всюду виднѣлись вереницами женщины, въ бѣлой одеждѣ, въ зеленыхъ повязкахъ, съ вѣнками на головахъ. Молодежь, въ накинутахъ на плечи сермягахъ, сходилась со всѣхъ сторонъ. Звонкія пѣсни, предвозвѣстницы ночнаго веселья, радостнымъ эхомъ отдавались въ окрестныхъ дубравахъ и рощахъ.

У подножія дубовъ и вдоль лѣсной опушки воздвигнуты были рядами костры. То тутъ, то тамъ, каменными топориками рубили щепки. Каждое село расположилось отдѣльно вокругъ своихъ костровъ, устроенныхъ на мѣстахъ, сохранившихъ слѣды прошлогодняго праздника. Веселый хохотъ доносился съ разныхъ концовъ, постепенно теряясь въ лѣсу.

Подъ дубомъ сидѣлъ Слованъ; напротивъ него подъ другимъ дубомъ усѣлся тоже пѣвецъ; звали его Вилуемъ. Какъ только одинъ переставалъ пѣть, начиналъ свою пѣсню другой; хотя пѣли они поочередно, но пѣсни ихъ другъ на дружку не походили; казалось, пѣсни тѣ споръ завели межъ собою.

— Ой, ты гой еси, солнце яснаго, свѣтлаго дня; свѣти намъ, свѣти—согрѣвай,—пѣлъ старый гусляръ.—Свѣтъ потоками льется на мать нашу землю... Свѣти намъ, свѣти, Купала! Пусть черные драконы никогда не темнятъ твоего лица... Ты—наше счастье,

жизнь — надежда, ты нашъ богъ! Купала!.. Царствуй, король, къ жизни вдохни въ насъ желаніе, о жизнедатель, богъ нашъ Купала; сѣй, живи, возбуждай, Купала...

Старикъ умолкъ. Вилуй пальцами ударилъ по струнамъ и началъ пѣть какую-то непонятную пѣсню полуязвительнымъ голосомъ.

— Пѣсня ты моя, пѣсенка! Птичка моя золотая, словно живая вода спасаешь ты отъ плѣсени смерти, но кто кинется въ твои волны, недолго тому видѣть хорошіе сны! Двѣ въ тебѣ добродѣтели: жизнь и смерть ты содержишь въ себѣ... Пѣсня воскрешаетъ изъ мертвыхъ, она-же хоронитъ живыхъ... въ ней сила обоихъ міровъ... и жизни, и смерти...

Вилуй опустилъ голову на грудь и умолкъ... Слованъ тоже молчалъ; хоръ, между тѣмъ, пѣлъ въ честь Купалы веселыя пѣсни.

Солнце клонилось къ закату; лица парней и дѣвушекъ ежеминутно обращались въ ту сторону неба, гдѣ солнечный кругъ все еще продолжалъ свѣтить... Всѣ съ нетерпѣніемъ ожидали мгновенія, когда послѣдніе его отблески померкнутъ на верхушкахъ деревьевъ—тогда только можно будетъ зажечь огни и начать хороводы...

Пожилыя женщины сидѣли на землѣ, окруженныя ведрами, горшками и корытами, полными мяса... Тутъ-же лежали калачи и праздничные короваи; молодежь бѣгала, рѣзвась на лугу. Дѣвушки, собравшись всѣ вмѣстѣ, держались поодаль отъ прочихъ женщинъ: къ нимъ подходили парни, велись разговоры... Отовсюду слышались веселые возгласы:

— Купала! Купала! Купала!

У костра семейства Виша стояли Людекъ и Самборъ, не пожелавшій возвратиться въ городъ; кромѣ нихъ, тамъ-же было не мало слугъ и женщинъ. Время отъ времени, всѣ они посматривали въ сторону лѣса, по направленію своего села, такъ-какъ до сихъ поръ Дивы и Живи не было среди нихъ, а Дива должна первая поджечь костеръ и запѣть пѣсню въ честь Купала. Между тѣмъ, молодые парни, треніемъ одного объ другой двухъ сухихъ деревянныхъ обрубковъ, старались добыть священный огонь, которому надлежало родиться самостоятельно и появиться на свѣтъ вполнѣ дѣвственнымъ, чтобы потомъ, въ продолженіи цѣлаго года, горѣть на домашнемъ очагѣ. Этого огня никто не смѣлъ выно-

силь изъ избы, а чужому пользоваться имъ строго было запрещено. Кто выносилъ огонь изъ жилища, отнималъ у него жизнь.

Два смолистыхъ обрубка дымились уже въ ихъ рукахъ, а огня все еще не было. Дива тоже не приходила. Самборъ болѣе обращалъ вниманіе на тропинку, по которой должна была прійти красавица, чѣмъ на занятіе парней. Въ эту минуту его ни мало не озабочивало, успѣетъ-ли вспыхнуть пламя ко времени солнечнаго заката, или нѣтъ.

Наконецъ, вдали показались двѣ дѣвушки въ бѣлыхъ платьяхъ: взявшись за руки, они медленно подвигались впередъ. На головахъ ихъ красовались зеленые вѣнки; гирлянды изъ свѣжихъ листьевъ замѣняли имъ пояса; у каждой въ рукахъ было по связкѣ душистой травы. Дива и Живя молча приближались къ парнямъ. Дива все еще думала о предостереженіи старой Ярухи, и хотя полоумной бабѣ нельзя было вѣрить, все-же Дивѣ казалось, что кто-то нашептываетъ ей безпрестанно: не ходи на Купалу!

Несмотря на общее веселье и радость, обѣ сестры были опечалены какимъ-то смутнымъ, неприятнымъ предчувствіемъ. Онѣ подошли къ своимъ, Самборъ напряженно слѣдившій за каждымъ движеніемъ Дивы, сколько ни всматривался въ ея лицо, не могъ разгадать ея печали.

Людекъ подошелъ къ сестрамъ.

— Сестры,—обратился онъ къ нимъ,—гуляйте вмѣстѣ, не заходите только далеко въ лѣсъ... Я Доману не довѣряю... Въ ночь Купалы иногда происходятъ страшныя вещи... Сколько дѣвокъ пропадаетъ въ лѣсахъ!... На зарѣ когда ошалѣютъ люди, они теряютъ и разумъ, и память.

Дива краснѣла, слушая брата; она держала въ рукахъ вѣточку руты и отрицательно покачала головою.

— Ничего не будетъ,—сказала она,—никто, ни Доманъ, ни другой не посмѣетъ подойти ко мнѣ... Я вѣдь буду среди своихъ. А васъ, парней, довольно, чтобъ защитить сестру!

Людекъ на это не отвѣтилъ ни слова. Тѣмъ временемъ Живя страстными глазами осматривала собравшихся парней, весело хохотала, щеки ея горѣли.

— Оставьте напрасный страхъ!—говорила она, смѣясь.—Никто не посмѣетъ подойти къ намъ. Но въ такой день, не заставляйте-

же насъ сидѣть въ сторонкѣ не отнимайте у насъ свободы. Только и есть нашей радости... Купала!..

Пѣсни раздавались все громче и громче; прочія дѣвушки, замѣтивъ появившихся Диву и Живю, сейчасъ-же подбѣжали къ нимъ, зазывая въ свое общество. Понемногу и щеки Дивы загорѣлись легкимъ румянцемъ, на губахъ ея заиграла улыбка.

Она начала напѣвать про себя: „Купала! Купала!“

Вдали раздавались слова знакомой ей пѣсни:

„Солнце въ морѣ купалось, на свадьбу собиралось... Ведутъ, ведутъ ужъ невѣсту, въ парчевое разодѣтую платье... Мѣсяцъ плыветъ съ дружиною звѣздочекъ... Здравствуй, солнышко золотое... Ты будешь царить у насъ... Солнышко мое красное! Купала!“

Молодые парни стояли по сторонамъ, перешептываясь между собою. Искоса взглядывали они на красавицъ, выбирая глазами тѣхъ, которыя были моложе и краше другихъ!

Случалось иногда, что въ Купалову ночь, подъ утро особенно, какое-то бѣшенство охватывало мужчинъ; они, точно дикіе звѣри, бѣжали въ лѣсъ, насильно таща за собой женщинъ. Это называлось у нихъ „стадомъ“. Каждая семья, однако, зорко стерегла своихъ и слѣдила за каждымъ подобнымъ безумцемъ, не желая доводить дѣла до „стада“.

Дива печально глядѣла на заходящій багровый солнечный шаръ, отблескъ котораго скользилъ по ея лицу и волосамъ. Послѣдніе дневные лучи одинъ за другимъ расплывались въ сгущавшемся сумракѣ вечера: красноватое зарево свѣтилось вдали въ томъ мѣстѣ, гдѣ за лѣсами скрылось солнце... Дивѣ принесли двѣ смолистыя лучины, горѣвшія священнымъ огнемъ: красавица ловкимъ движеніемъ подошла ими костеръ. Въ ту-же минуту у всѣхъ костровъ заблестѣли огни, воздухъ дрогнулъ отъ тысячи голосовъ: „Купала!“

Женщины, взявшись за руки окружили костры; немного въ сторонѣ стояли мужчины—всѣ пѣли пѣсни въ честь Купалы.

По окрестности, до тѣхъ поръ нѣмой и глухой волной пронеслась струя жизни, веселья и радости. Казалось, что старый лѣсъ, облака, трава, ручей, даже камни — вторять этому общему ликованью.

Звуки веселыхъ пѣсень разбудили дремлющихъ водяныхъ

птицъ на озерѣ; въ кустахъ вострепнулись пернатые ихъ обитатели... У костровъ дѣвушки первыя запѣли торжественный гимнъ въ честь Купалы: онѣ пѣли о Богѣ, въ золотомъ вѣнкѣ, дающемъ полямъ золотыя зерна, лугамъ капли серебряной росы, людямъ хлѣбъ; его велѣніемъ колосыя наливаются благодатною пищею, улья наполняются сладкимъ медомъ; онъ, а не кто другой превращаетъ мракъ въ свѣтъ дневной; онъ зажигаетъ любовь въ человѣческомъ сердцѣ, онъ причина всѣхъ радостей на землѣ. День его—день свадьбы небесной солнца съ луною. Земля торжествуетъ, она открываетъ свои сокровищницы; въ эту ночь нѣтъ у нея ни единой тайны; все заколдованное освобождается отъ чаръ его сковывавшихъ, свѣтлые духи сходятъ съ небесъ, чтобы весельемъ своимъ воодушевлять людей... Смерть, нечистъ разная, прячется по пещерамъ, подъ темнымъ покровомъ Ямы.

Едва успѣвали кончать одну пѣсню, сейчасъ начинали другую. Хоры пѣвцовъ перекликались съ одного на другой конецъ городища. Дива, впереди всѣхъ, съ гордо поднятою головкою, танцевала и вела за собою вереницы танцовщицъ... Остальныя дѣвицы повиновались каждому ея жесту, малѣйшему движенію...

Лѣсъ вторилъ ихъ пѣснямъ и танцамъ: пылающіе костры освѣщали его мрачные своды.

Вдали — безконечное зарево отъ костровъ, а вблизи — вьются, прыгаютъ, бѣгаютъ какія-то тѣни, съ распущенными волосами, съ развѣвающимися по воздуху одеждами... Эй, Купала, Купала! Вотъ молодые парни окунаются въ пламени, перепрыгивая черезъ костры... Каждый прыжокъ вызываетъ громкія рукоплесканія... Изрѣдка раздается пронзительный крикъ, — то парни бросились къ женщинамъ... Кое-гдѣ, прикрываясь сумракомъ ночи, разгаромъ вакхической страсти, совершаются дѣйствія, развѣ только ради Купалы сходящія съ рукъ виновнымъ.

Но все-же больше здѣсь хохота, нежели криковъ; больше веселья, чѣмъ слезъ.

Женщины еще танцевали, когда парни, съ зажженными факелами въ рукахъ, стали прыгать черезъ огонь; затѣмъ начали бѣгать въ-догонку по лугу, пуская по вѣтру искры смолистыхъ лучинъ.

Въ разныхъ мѣстахъ лили медъ въ огонь на жертву Бѣль-

богу: пламень гасъ на мгновенье, чтобы вспыхнуть съ новою силою. Иногда случалось, что парни сталкивались въ прыжкѣхъ надъ костромъ; среди дыма и пламени глухо ударялись они другъ объ друга... иногда хватались бороться, валились въ кучу на землю и долго барахтались тамъ, пробуя юную силу.

Около всѣхъ костровъ одновременно начались эти прыжки, а затѣмъ и бѣгъ съ зажженными факелами. Искусство заключалось въ томъ, чтобы горящимъ лучинамъ не дать погаснуть отъ вѣтра: держа ихъ въ рукахъ, парни мчались вокругъ бортей, луговъ, засѣянныхъ пахатей, безпрестанно призывая Купалу.

На небѣ, между тѣмъ, уже замѣчались приготовленія къ встрѣчѣ утренней зорьки... Ночь, еле успѣвшая накинуть свой саванъ на вершины деревьевъ, нехотя уступала мѣсто новому дню, загоравшемуся на краяхъ горизонта.

Теперь только началось пиршество у костровъ... Всевозможная снѣдь и напитки быстро уничтожались... Пѣніе раздавалось со всѣхъ сторонъ.

Изнуренная пѣніемъ и танцами, Дива сидѣла среди своихъ, молча уставившись на пылавшій предъ нею костеръ.

Самборъ все время слѣдилъ за каждымъ ея движеніемъ шагомъ, но красавица ни разу даже на него не взглянула. Хотя товарищи всѣми силами старались его разшевелить, онъ не принималъ никакого участія въ общемъ весельи, переходилъ съ мѣста на мѣсто, сосредоточившись исключительно на одномъ: не упустить Дивы изъ виду... Угрозы Домана не давали ему покоя... Дива, наконецъ, замѣтила Самбора, стоящаго возлѣ нея точно на сторожѣ, и пригласила его подойти ближе.

— Иди къ товарищамъ!—обратилась она къ своему обожателю,—иди веселиться съ другими!

— А ты... Дива!—отвѣчалъ Самборъ.—Почему ты такъ грустна и не поешь?

— Я,—начала красавица,—я! Да вѣдь судьба моя иная, чѣмъ твоя! Хотя-бы я хотѣла, а веселиться не могу... Чего глазъ не видитъ, то сердце предугадываетъ; а грустно оно—и лицо не можетъ быть весело...

Дива подняла свои темные глаза на Самбора.

— За лѣсами, за горами,—какъ-бы про себя говорила она

своимъ чуднымъ, пѣвучимъ голосомъ, — зарева горять... другія зарева... пѣсни слышны, не веселыя пѣсни... лѣсъ шумить, толпы идутъ, огонь у нихъ въ одной рукѣ... мечъ въ другой... Вода съ кровью смѣшалася, бѣлыя лиліи почернѣли... Эй! Эй!..

Дива опустила на грудь свою голову. Забыла она, что Самборъ стоитъ передъ нею, а молодой парень ловилъ каждое ея слово, потрясавшее его до глубины души. Все ею сказанное до такой степени противорѣчило веселой обстановкѣ, среди которой находилась красавица, что Самборъ не могъ уловить смыслъ печальной рѣчи. Онъ долго еще всматривался въ ея лицо, не смѣя заговорить. Живя, время отъ времени, прибѣгала къ сестрѣ, стараясь насильственно вовлечь ее въ хоробы, брала ее за руки, но безуспѣшно—приходилось одной возвращаться къ подругамъ.

Сидя на землѣ, Дива бессознательно вертѣла въ рукахъ вѣнокъ, общипывая на немъ цвѣты... Мысленно она была далеко, быть можетъ, въ другомъ, лучшемъ мірѣ... быть можетъ, въ эту минуту она воображала себя въ обществѣ отца, матери...

Самборъ еще нѣкоторое время оставался подъ дубомъ, не могъ глазъ оторвать отъ красавицы и переживалъ тяжелыя минуты. Дива вторично подозвала его къ себѣ, приказавъ ему присоединиться къ остальнымъ парнямъ, которые веселились на славу. Самборъ не посмѣлъ противорѣчить обожаемой дочери своего хозяина и отошелъ въ сторону, не зная куда направить свои шаги, таѣ какъ прыгать и бѣгать, въ эту минуту, онъ чувствовалъ себя не въ состояніи.

Самъ того не замѣчая, Самборъ повернулъ въ сторону лѣса. Ему хотѣлось уйти подальше отъ всѣхъ, укрыться въ какомъ нибудь темномъ углу, отдохнуть,—а лѣсъ, какъ на зло, былъ залитъ огнемъ и дрожалъ отъ веселыхъ пѣсенъ и криковъ парней и дѣвушекъ. Нельзя было отыскать на одного спокойнаго уголка.

Старики сидѣли кружками, болтали и пили медъ; подъ деревьями въ разныхъ мѣстахъ шептались уединившіяся парочки; дѣвушки, взявшись за руки, длинными вереницами тянулись по направленію къ лугу, навстрѣчу имъ выбѣгали мужчины... Красавицы съ крикомъ кидались въ лѣсъ... и плохо приходилось той, которая оказывалась пойманною... На вопль ея сбѣгались гурьбою парни отстаивать похищенную; завязывалась неравная

берьба; женщинамъ оставалось только защищаться горящими полѣньями.

Самборъ обошелъ нѣсколько костровъ, стараясь избѣгнуть погони двухъ-трехъ весельчаковъ, бросившихся вслѣдъ за нимъ. Знакомые и незнакомые останавливали его почти на каждомъ шагу, приглашая къ нимъ присоединиться. Самборъ всею отказывалъ. Подобное упорство заставило многихъ подумать, что онъ замышляетъ что-то не доброе...

Подвигаясь впередъ, Самборъ забрелъ въ самую глубь лѣса, куда едва долетали веселые голоса пирующихъ. Сквозь густую листву деревьевъ, свѣтъ съ трудомъ проникалъ въ то мѣсто, гдѣ у корней стараго дуба, Самборъ легъ на землю. Шумъ веселящихся иногда еще достигалъ его слуха, но видѣть онъ уже ничего не могъ, кромѣ красноватыхъ отблесковъ, по-временамъ освѣщавшихъ вершины деревьевъ, сообщая имъ огненно-золотистый оттѣнокъ. Въ моментъ этихъ отблесковъ листья казались сотканными изъ золота, а птички, въ испугѣ проснувшіяся и перепархивавшія съ вѣтки на вѣтку,—обладавшими золотыми крыльями. Разлегшись, Самборъ закрылъ лицо обѣими руками. Онъ прислушивался къ пѣснямъ, но не могъ ихъ слышать; ему казалось, что онъ во снѣ все это видитъ и слышитъ, и, дѣйствительно, мало-по-малу, имъ началъ овладѣвать сонъ.

Вдругъ вдали зашумѣло что-то... Раздался лошадиный топотъ... воздухъ огласился какимъ-то крикомъ... Не звѣрь-ли испуганный звуками, доносящимися отъ костровъ?.. Но звѣрь бѣжитъ гораздо скорѣе, а этотъ топотъ подвигается медленно, осторожно... притихнетъ на время и снова раздается... Самборъ различалъ среди этого шума звукъ копытъ нѣсколькихъ лошадей и говоръ многихъ людей. Не желая подвергаться опасности, онъ спрятался въ кусты и сталъ со вниманіемъ прислушиваться. Немного погодя изъ глубины лѣса, подозрительно озираясь по сторонамъ, выѣхало нѣсколько всадниковъ. Слабый, мерцающій свѣтъ не позволилъ Самбору въ подробностяхъ разглядѣть эту горсть людей. Впереди ѣхалъ верхомъ молодой, стройный мужчина; за нимъ слѣдомъ двигались еще два всадника и нѣсколько парней пѣшкомъ. Время отъ времени они наклоняли головы, отстраняли мѣшавшія вѣтви

и пристально вглядывались въ видѣвшіеся вдали костры и въ окружавшую ихъ толпу.

— Нужно-бы какъ-нибудь подобраться къ нимъ,—заговорилъ одинъ изъ всадниковъ.—Да и чтожъ удивительнаго похитить красавицу въ Купалову ночь?.. По доброй волѣ не отдають, надо брать силою!.. Лишь-бы очутилась у меня на сѣдлѣ—эхъ, ужъ и не возвращу-же я ее ни за что... не догонять, не вырвуть ее у меня... Жизнь положу, а не дамъ!.. Направо...

Не останавливаясь, они подвигались впередъ. Черезъ нѣсколько времени всадники, а слѣдомъ за ними и пѣшіе прошли мимо сдерживавшаго дыханіе Самбора. Всадники соскочили съ коней и, ведя ихъ въ рукахъ, выбирали такой путь, чтобы пройти нѣмъ незамѣченными на поляну. Одинъ изъ нихъ раздвигалъ толстыя вѣтви, останавливаясь на каждомъ шагу и зорко всматриваясь въ темную глубь лѣса. Самборъ осторожно выползъ изъ-подъ кустовъ, проскользнулъ незамѣтно чащею и, видимо озабоченный появленіемъ этихъ незнакомцевъ, пустился бѣжать къ своимъ. Эта несвоевременная торопливость и погубила его: едва онъ замѣтилъ, что за нимъ гонятся, какъ двѣ сильныя руки, словно желѣзные тиски, схватили его за плечи. Сперва, однако, ему удалось вырваться; онъ бросился на своего противника, ударилъ его въ грудь головою такъ крѣпко, что тотъ упалъ навзничь, но, падая, успѣлъ какъ-то ухватиться за Самбора, который вмѣстѣ съ нимъ и повалился на землю. Несмотря на всѣ усилія вырваться изъ рукъ сбитаго съ ногъ врага, Самборъ долженъ былъ признать себя побѣжденнымъ; подоспѣвшіе два парня такъ крѣпко сдавили его, что онъ чуть не задохся. Минуту спустя онъ лежалъ со скрученными руками и ногами, съ завязаннымъ ртомъ. Желавшіе подойти незамѣченными къ пирующимъ бросили свою жертву: они боялись, чтобы къ ней кто-либо не явился на помощь, и направились къ лошадямъ.

Самборъ остался одинъ. Онъ слышалъ, какъ связавшіе его удалялись въ лѣсъ.

Напрасно метался онъ по землѣ, съ нечеловѣческими усиліями пробуя перервать веревки. Онѣ оказались сильнѣе его. Самборъ лежалъ, прислушиваясь къ отдаленному гулу празднества. Ему казалось, что претерпѣваемые имъ муки, длятся уже цѣлую вѣч-

ность. Вдали свѣтъ огней потухалъ понемногу; заря занималась надъ его головою. Съ каждымъ мгновеніемъ становилось свѣтлѣе. Въ кустахъ начали просыпаться птицы, пролетая надъ нимъ, онѣ, словно любопытствуя, глядѣли на обезоруженнаго человѣка. Пара дикихъ голубей уфлалась-было невдалекѣ, и сейчасъ-же порхнула въ лѣсъ; кукушка тоскливо закуковала; шурша, пронеслась какая-то крупная птица, затѣмъ все смолкло.

Тишина воцарялась вмѣстѣ со свѣтомъ.

Только издали еще доносились пѣсни расходившагося по домамъ народа. Солнышко, словно украдкой, заглянуло въ лѣсную чащу—на городищѣ никого уже не было.

Самборъ съ удвоенною энергіею пустилъ въ ходъ всѣ мускулы тѣла, желая ослабить путы. Наконецъ, послѣ долгихъ усилій, ему удалось освободить ротъ отъ повязки; затѣмъ, съ помощью острыхъ зубовъ, онъ перегрызъ веревки на рукахъ и ногахъ. Очутившись на свободѣ, онъ стремглавъ побѣжалъ къ полянѣ. Городище имѣло пустынный видъ, кое-гдѣ лишь дымились остатки костровъ, повсюду валялись черенки разбитой посуды, объѣдки и кучи черного угля. Справлявшіе праздникъ Купалы разбрелись по домамъ. Самборъ, весь въ поту и измученный, вдругъ какъ вкопанный замеръ на мѣстѣ. За спиной у него послышался чей-то голосъ.

Невдалекѣ отъ мѣста гдѣ остановился Самборъ полусидѣла, полулежала на землѣ старая, престарая женщина. Всѣ звали ее вѣдьмой Ярухой. Это была та самая, что въ лѣсу совѣтовала Дивѣ не ходить на Купалу, сама-же непремѣнно хотѣла изъ первыхъ попасть на веселый пиръ какъ видно, не даромъ... Яруха, которой боялись всѣ хозяйки, потому-что она могла сглазить корову, заколдовать хлѣбъ или воду—въ ночь на Купалу изрядно таки кутнула...

Никто не отказывалъ ей въ напиткахъ, заручиться-бы только милостью вѣдьмы-старухи, да не вооружить противъ себя. Теперь она сидѣла, хмѣльная отъ выпитаго за ночь вина, бормоча на распѣвъ какія-то безсвязныя рѣчи. Увидя Самбора, она его окликнула.

— Эй, парень-паренекъ! Дай-ка мнѣ руку,—говорила она... Подойди-же, дай руку!.. Небось, дурного тебѣ ничего не сдѣлаю, сглазить—не сглажу, ни-ни... Еще, пожалуй, предоставлю такой

травы, что всё дѣвки любить тебя будутъ... руку мнѣ дай, потому не могу съ мѣста подняться, а надо скорѣй уходить отсюда!..

Самборъ взглянулъ на нее съ состраданіемъ.

— Хотя-бы я и помогъ тебѣ съ мѣста встать,—сказалъ онъ старухѣ, все-равно, одной тебѣ трудно будетъ идти, мнѣ-жъ проводить недосугъ, самъ домой торопиться долженъ.

— Умничай ужъ еще... Дай лишь руку... Встать-бы только, а ноги мои еще понесутъ старыя кости... Парень, ты, паренекъ...

Самборъ подошелъ къ ней и обѣими руками приподнялъ старуху. Она едва на ногахъ держалась. Какими-то странными, затекшими кровью глазами,—оглядѣла Яруха Самбора.

— А почему, мой дружокъ, спалъ ты такъ долго, а?—обратилась она къ парню съ вопросомъ.

— Не спалъ я, матушка! Злые люди связали меня,—я едва разорвалъ веревки... Яруха,—скажи, дорогая, не произошло-ли чего-либо здѣсь?

Старуха, покосясь на Самбора, лукаво улыбнулась.

— А чему-бы здѣсь быть? Было то, что обыкновенно бываетъ въ Купалову ночь... Купала, богъ горячій, вдоволь разцѣловалъ дѣвокъ... а одну, что ни на есть самую раскрасавицу... Эхъ!

Яруха, махнувъ рукою, начала пѣть:

— Пріѣхалъ красавецъ на лошаdkѣ, увезъ красную дѣвицу, ой, красавецъ — увезъ красавицу... Ой, много было шуму!.. Купала!

— Которую? Кто?—закричалъ Самборъ.

Старуха смѣялась и долго не отвѣчала.

— Эй, батракъ... батракъ!—начала она, погода—тебѣ-то она полюбилась... хозяйская дочка!.. Посматривалъ ты на нее, все вѣдь я знаю... Гордая она была... умница—вишь ты!.. Все въ вѣнкѣ ходить ей хотѣлось... А вѣнокъ-то вода унесетъ съ собою... вода... Увезли ее, увезли красавицу... Ведутъ ее во свѣтлицу... Ха, ха!.. Вотъ тебѣ и дѣвичье царствованіе!..

Старуха ударила въ ладоши, Самборъ ломалъ себѣ руки.

— А братья, А челядь... А наши всѣ?..

— Разбили, поранили, схватили, увезли... На Купалу-то, новость это, что-ли?.. Да и что тутъ дурного?.. Зачѣмъ гибнуть молодости?.. Доманъ богатый кметъ... Женщинъ у него много, а

жены ни одной... Она у него будетъ царицею... Ой, Купала! Купала!

Слова старухи точно громъ поразили Самбора.

— Подѣломъ ей!—начала она снова. Не гордись своей красотою, да! Знаю я, знаю, чего ей хотѣлось... Хотѣлось красавицѣ у огня въ храмѣ сидѣть, чтобы люди ей въ ноги кланялись, а она-бы имъ ворожила... Вотъ что... Э, э!.. Не тебѣ, красавицѣ, такая судьба!.. А горшки-то на что, а прялка?.. Пренебрегала свахами, ни одинъ-то, вишь, не былъ ея достоенъ... Я ей еще вчера говорила: не ходи на Купалу. Пришелъ мѣсяцъ, парень гладкій, ни крикъ, ни плачъ ни помогутъ, съ дѣвкою сѣлъ онъ на коня... Увезъ красавицу, въ бѣлую увезъ свѣтлицу... Вотъ, что надѣлалъ Купала...

Яруха пѣла и прыгала по травѣ, хотя ноги ей плохо служили. Самборъ, съ опущенною на грудь головою, стошелъ отъ нея.

— Будь здоровъ, добрый парень,—кричала старуха ему въ слѣдъ—теперь я и одна пойду... А тебѣ, за то, что далъ ручку старухѣ, высватаю такую красавицу, что будешь вѣкъ ее цѣловать...

Яруха, пошатываясь, двинулась въ путь... Она напѣвала какія-то, безъ малѣйшей связи, слова, болтала сама съ собою.

Самборъ, самъ того не замѣчая, приближался къ дому стараго Виша.

Когда онъ подошелъ къ воротамъ, на дворѣ стояли всѣ женщины, заливаясь горючими слезами... Въ другомъ концѣ двора виднѣлись парни, въ томъ числѣ Людекъ. Людекъ былъ раненъ въ голову... Парни горячо о чемъ-то спорили, женщины плакали...

Всѣ бросились навстрѣчу Самбору, спрашивая, гдѣ онъ пропадалъ столько времени. Онъ разсказалъ имъ подробно, какъ и что съ нимъ случилось; они въ свою очередь сообщили Самбору, что на возвратномъ пути ихъ домой, напалъ на нихъ Доманъ со своими людьми и, несмотря на проклятья и слезы Дивы, ее увезли, похитители. Людекъ, кинувшійся - было защищать сестру, получилъ рану въ голову; другимъ тоже досталось. Они до сихъ поръ еще спорили о томъ, чья вина, что Диву не удалось отбить у похитителей. Людекъ хотѣлъ собрать всѣхъ своихъ ра-

ботниковъ и напасть на домъ Домана, чтобы этимъ отомстить ему за нанесенную обиду; другіе удерживали его, говоря, что по обычаю можно похищать дѣвушекъ въ жены, а разъ увезенную никогда не слѣдуетъ отнимать силою. Пока длился споръ, въ воротахъ вдругъ показалась—Дива! Женщины крикнули въ одинъ голосъ и бросились ей на встрѣчу.

Она остановилась у воротъ. Лицо ея горѣло, на немъ виднѣлась кровь, рубашка также была вся въ крови... Дива вела за собою лошадь, на которой прискакала сюда. Вѣнокъ она въ дорогѣ потеряла, одежда ея была въ беспорядкѣ... глаза сверкали гнѣвомъ. Красавица молчала; казалось, она никого не видитъ...

Женщины и мужчины окружили ее. Сестра припала къ ея груди, заливаясь слезами. Дива дрожала. Она долго еще не была въ состояніи произнести ни одного слова.

Самборъ открылъ настежъ ворота и взялъ изъ ея рукъ поводъ. Медленно шла она къ дому, ни на кого не обращая вниманія. Подойдя къ крыльцу, она опустилась на скамейку.

— Дива, какъ удалось тебѣ вырваться изъ его рукъ?—обратились къ ней съ вопросомъ...

Она долго не отвѣчала. Живя принесла ковшъ воды. Дива напилась, вздохнула; изъ глазъ ея полились слезы.

Самборъ узналъ лошадь, примчавшую Диву: то была лошадь Домана. По ея шерсти струилась кровь красною лентою.

Дива долго еще молчала, наконецъ, какъ-бы прійдя въ себя проговорила:

— Да, онъ этого хотѣлъ!... Въмѣсто Дивы у него теперь Нія... Да, онъ этого хотѣлъ!... Я убила Домана... Зачѣмъ онъ вздумалъ меня взять силою!

Она посмотрѣла на брата и сдвинула брови.

— А вы! Вы всѣ не сѣумѣли меня защитить!... Я лучше васъ сѣумѣла расправиться!... Отъ городища до Доманова двора далеко. Онъ, злодѣй, держалъ меня въ объятяхъ... онъ крѣпко прижималъ меня къ своей груди... Лошадь рвалась впередъ... Я хотѣла ему выпарапать глаза, но руки отказались помочь исполнить это желаніе. Крика моего никто не слыхалъ... Я дрожала отъ гнѣва... Онъ смѣялся, успокаивалъ все меня... Ножъ блестѣлъ за его кушакомъ... Замѣтивъ его, я умолкла. Ему пока

залось, что я успокоилась... Мы другъ другу смотрѣли въ глаза. Точно ребенка, утѣшалъ онъ меня обѣщаніями... я слушала... Онъ говорилъ, что изъ любви рѣшился взять меня силою... Нанулся... хотѣлъ цѣловать... Ножъ очутился въ рукахъ у меня... Я вонзила ему въ грудь блестящую сталь... Онъ схватился за рану и упалъ съ лошади... Слуги его были далеко... Лошадь помчалась, и я прискакала домой...

Она посмотрѣла на братьевъ, молча выслушавшихъ ее рассказъ. Сестры закрыли лицо руками.

— Братья Домана не простятъ намъ этого,—проговорилъ Людекъ,—кровью за кровь заплатить придется...

Дива молчала. Воцарилась полная тишина.

— Мнѣ здѣсь не оставаться—проговорила, наконецъ, Дива—съ вами я прощусь навсегда, уйду отсюда и болѣе никогда не вернусь... Меня не будетъ, и мести не будетъ.. Пойду куда глаза глядятъ, куда судьба меня поведетъ..

Дива встала. Женщины снова начали плакать. Живя обняла сестру и вмѣстѣ съ нею вошли въ свѣтлицу.

Братья между тѣмъ совѣщались, на что имъ теперь рѣшиться. Дива долго не возвращалась. Она перемѣнила одежду, свила свѣжій вѣнокъ, собрала небольшой узелъ и затѣмъ обратилась къ плачущей сестрѣ:

— Прощай, дорогая, родная моя... Прощай навсегда!—говорила Дива своимъ пѣвучимъ голосомъ. Я должна идти, я должна бросить все... Куда глаза глядятъ, куда доля меня поведетъ. Я пойду на островъ, на Ледвицу, въ храмъ Ніолы, стану у священнаго огня, буду его стеречь и плакать, пока глазъ моихъ хватить, пока они не погаснутъ... Или я жить перестану, или огонь не будетъ горѣть—тогда конецъ моей мукѣ... А теперь, пойдемъ, сестра, я должна со всѣми проститься, съ домомъ, съ очагомъ, съ каждымъ угломъ, съ порогами, стѣнами, лошадьми, со всѣмъ, что живо или мертво, что я такъ любила...

Дива торжественно прощалась со всѣмъ, заключавшимся въ домѣ ея родителей. Женщины сопровождали ее. Дива подошла къ огню и бросила въ него послѣднюю лучину:

— Прощай мой домашній очагъ, огонь мой. Не мнѣ уже помнить, заботиться о тебѣ; не освѣщать тебѣ болѣе моей прятки,

не согрѣвать мое озябшее тѣло. Огонь отца, матери, братьевъ, сестеръ моихъ... свѣти имъ свѣтло, согрѣвай ихъ... Прощай...

Затѣмъ, она подошла къ большому чану, въ которомъ приготавлился хлѣбъ.

— Здравствуй ты, съ дѣтства меня питавшій хлѣбомъ.. Будь всегда полонъ, пусть люди тебя уважаютъ... Хлѣбъ твой не будетъ ужъ болѣе моей пищею...

Точно также Дива простилась съ порогомъ отцовскаго дома, съ избами, сараями, съ любимой буренушкой, съ овцами, лошадьми, даже съ собаками и колодцемъ изъ котораго она брала воду. Подойдя къ колодцу, Дива взяла въ руки ведро, почерпнула воды и въ послѣдній разъ напилась... Обнявъ сестру, братьевъ, всѣхъ женщинъ по очереди, Дива простилась со всѣми, кланяясь въ ноги... Въ послѣдній разъ передъ нею открыли ворота и сейчасъ же закрыли, лишь только она очутилась за ними. Дива подошла къ рѣкѣ, къ большимъ камнямъ, на которыхъ любилъ сиживать ее отецъ.

Никто не смѣлъ спорить съ нею или отговаривать отъ этого путешествія. У забора стоялъ конь Домана, она велѣла пустить его на свободу.

Старая Вѣлиха и два парня должны были провести ее къ озеру. Самборъ вызвался быть четвертымъ.

Когда Дива въ послѣдній разъ обернулась въ сторону отцовскаго дома и замахала платкомъ—до нея донеслись душу раздирающіе крики и вопли женщинъ, которыя, сидя на землѣ, голосили по Дивѣ, словно по умершей.

А вдали слышенъ былъ лошадиный топотъ: конь Домана, выпущенный на волю, скакалъ къ своимъ.

XIII.

Утромъ, на слѣдующій день, около Домаховой хаты какъ-то пусто и тихо было. Къ воротамъ подъѣхалъ всадникъ и остановился у нихъ. Это былъ Мышко.

— Доманъ дома?—спросилъ онъ у слуги, стоявшаго у воротъ. Парень молчалъ.